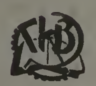
СТИРЛИНГ ТЕЙЛОР

ГИЛЬДЕЙСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

И ЕГО ПОЛИТИКА

ПРАКТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА РАБОЧЕЙ ПАРТИИ И КООПЕРАЦИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1925

СТИРЛИНГ ТЕИЛОР

ГИЛЬДЕЙСКИЙ СОЦИАЛИЗМ И ЕГО ПОЛИТИКА

ПРАКТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА РАБОЧЕИ ПАРТИИ И КООПЕРАЦИЯ

Перевод Б. МАХЛИНА

Предисловие С. МСТИСЛАВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 .. ЛЕНИНГРАД

Гиз. № 9045 Главлит № 33.919. Тираж 7.000 экз.

Типография Госиздата „Красный Пролетарий", Пименовская улица, дом 16.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Гильдейский социализм—движение, зародившееся в Англии в 1900-х годах и перекинувшееся не только в страны континентальной Европы, но даже в далекую Палестину—является характернейшей для нашего времени попыткой «реформировать» слишком явно даже для самих реформистов выродившийся реформизм.

Реформировать—на путях «возвращения к идеализму». Ибо, по мысли основоположников гильдеизма (из которых крупнейшими являются Пенти и Коль), в вырождении материализма повинен, прежде всего, материализм: именно он завел современное рабочее движение в тупик. «Реформизм есть дитя материализма»—пишет Коль.—«Маркс, Дарвин политической экономии, обратил социализм из моральной в экономическую доктрину»; тем самым «социализм перестал быть верою обездоленных и идеалистов, а стал догмою деловитых бюрократов». «Но разрыв с идеализмом однозвучен утрате свободы». Ибо нищета—«материальное рабство»—есть лишь прямой итог «рабства духовного». А стало быть для осуществления целей «подлинно конструктивного социализма», для построения нового «свободного» общества необходимо вернуть рабочему движению «утраченный им со времени Роберта Оуэна идеализм» и насытить его «духом истинной свободы и истинного братства».

Путь к истинной свободе—по толкованию гильдейцев—в обеспечении массам свободы экономической. «Политическая

демократия не имеет никакой цены, если ей не служит базисом демократия экономическая». Только через нее можно притти к новому строю, в котором «свободные люди будут в условиях демократических производить высоко-квалифицированные товары. И поскольку корень современного рабства рабочего в наемном труде, в системе заработной платы, необходимо, прежде всего, ликвидировать эту систему: власть над производством, управление им должно принадлежать самим производителям: основным фактором преображения общества должны, поэтому, стать профессиональные союзы.

Но для выполнения этой задачи они сами должны коренным образом преобразоваться из современных, исключительно на базисе защиты материальных интересов построенных организаций в «гильдии», объединения производителей, «морально спаянные» духом братства и служения не классовым, но общим интересам. Постепенно, без потрясений, без классовой борьбы (которую, конечно, не может принять идеализм гильдейцев), врастая в современное капиталистическое общество, незаметно обновляя его изнутри,— гильдии сольют ныне противостоящие друг другу «государство» и «рабочие организации» в единое и целостное «гильдейское государство», в котором, говоря словами Тэйлора, «вся промышленная деятельность народа будет урегулирована и будет вестись в интересах всего общества, вместо того, чтобы быть направленной, как в настоящее время, в интересах одного только класса богачей» (стр. 43). Государству, как организации потребителей, должно принадлежать право собственности на орудия производства и право на прибавочный продукт, добываемый трудом производителей; организации производителей—«гильдиям», как мы указывали уже, должно принадлежать владедение орудиями производства и организация производства, при чем, за труд свой гильдейцы получают «себестоимость» производимых ими продуктов.

В равноправии этих двух раздельно организуемых категорий—потребителей и производителей—характернейшая черта гильдейской системы, резко отделяющая ее от синдикализма, с которым она имеет, как будто, некоторое внешнее сходство: гильдеизм—не только мелкобуржуазная, но и обывательская, в самом существе своем, система. И наиболее выдержанные и последовательные из гильдейцев не скрывают, что опорой «идеального» для них общества является не классово-сознательный пролетарий, а «средний уважаемый туземец, не принимающий участия ни в правительстве, ни в судопроизводстве, ни в политике» (Тэйлор, стр. 105), т.-е., попросту говоря, — обыватель.

«Обывательство» лишено четкой и единой, целостной идеологии. Поскольку так, и гильдейское движение должно было, неизбежно, оказаться лишенным такой идеологии. В действительности так и случилось: на первых же шагах движение разбилось на ряд «течений»,—от «гильдейцев-троцкистов» (по выражению Гобсона), пытающихся утверждать, что гильдеизм не только не порывает с доктриною Маркса, но является наиболее подлинным революционным марксизмом, — до «гильдейцев на водице» (по едкому выражению того же Гобсона), приемлющих современный капиталистический строй без всяких оговорок и мыслящих свое «гильдейское общество» ответственным этапом развития нынешних производственных отношений. Должно сказать, что именно этим «гильдейцам на водице» принадлежит решающее слово в гильдейской современности с того дня, как выяснился крах практических попыток «врастания гильдий» в современное общество, и развернувшееся одно время широко гильдейское движение—практически, как движение самостоятельное—сошло на-нет.

Типичнейшим из гильдейцев последней категории является Тэйлор, книга которого предлагается читателям именно как образец того социального «компромисса в английском духе»,

каковым является приноровленный к капиталистической современности гильдеизм. «Гильдейская Политика» Тэйлора, которую автор назвал «Практической программой для Рабочей Партии и профсоюзов», составлена в развитие теоретических положений, изложенных в книге того же автора... «Гильдейское государство» (Guild State, its principles and possibilities, 1919). «Программа» эта доставила Тэйлору широкую известность в кругах гильдейцев, в особенности гильдейцев континента (немцев по преимуществу), которым должны были оказаться особенно близки и нескрываемое уважение Тэйлора к «респектабельному обывателю» и его чрезвычайная «государственность». В прямую противность Гобсону и другим «мистикам гильдеизма», растворяющим государственность в туманном понятии «духовного государства», в ведение которого отводятся «проблемы и идеи», но никак не материальные вопросы производства и потребления, Тэйлор сильнее всего конкретизирует именно «государственность», фактически отметая самую теорию «врастания гильдии». Путь к обновлению он намечает через государство непосредственно. И потому, орудием обновления ему видится—не экономическая, но политическая сила: Рабочая Партия; на нее переносит он главный упор.

Само собою разумеется, не нынешняя Рабочая Партия Англии: в современном состоянии своем она не в состоянии удовлетворить даже столь невзыскательного оппортуниста, как Тэйлор. Она требует также обновления путем «установления в ней добрых гильдейских нравов», введения «морального элемента в политику». Об этом достаточно пространно проповедует Тэйлор. В дальнейшем он конкретно формулирует те законодательные меры, которые должна провести обновленная по его рецепту Рабочая Партия в парламенте, который она, в свою очередь, не замедлит обновить. Законодательные меры эти охватывают вопросы: о форме правления, об организации производства, о введении гильдей-

ского общественного строя, о кооперации, о государственных имуществах, финансах, налоговой системе, колониальной и внешней политике: короче говоря, все основные экономические и политические вопросы.

Этот, данный Тэйлором, единственный в гильдейской литературе по законченности и широте захвата опыт построения совершенно конкретной программы гильдеизма в высокой степени интересен и ценен именно тем, что, благодаря чрезвычайной внешней четкости его формулировок, особо ярко выявляется безнадежная несостоятельность обновленного в гильдеизме идеалистического мирнообновленчества. «Гильдейская политика» обличает гильдеизм беспощаднее всякого критического исследования.

И обличение это в данный момент—после опыта «правительства Рабочей Партии», на которую мечтал опереться Тэйлор, и перед лицом идущего в рядах рабочего класса Англия расслоения—звучит еще убедительнее, чем три года назад, когда Тэйлор писал свою книгу, еще «предчувствуя» только грядущий выход Рабочей Партии к власти и еще не ожидая того крушения «практического гильдеизма», которое принесло с собою развитие рабочего движения последующих лет.

С. МСТИСЛАВСКИЙ

ГИЛЬДЕЙСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

И ЕГО ПОЛИТИКА

Главлит № 33 919 Тираж 7.000. экз.

Типогр „Красный Пролетарий“, Пименовская ул., д. 1/16.

Глава первая

НОВАЯ ПАРТИЯ И НОВАЯ ПОЛИТИКА

Рабочая партия Англии находится накануне совершенно нового поворота на своем пути. До настоящего момента положение ее было похоже на положение купца, которому, правда, удалось довести до сведения публики, что он открыл новое дело, но не удалось указать ей, где он его открыл. Рабочая партия сейчас очень близко подошла к правительственной скамье. Все признаки говорят за то, что она в скором времени станет той политической партией, которая будет управлять государством.

Нельзя сказать, что эти открывающиеся для нее новые возможности работы явились исключительно результатом ее собственных заслуг: этими возможностями она обязана своим противникам. Господствующие классы Европы—лорды, генералы, банкиры и фабриканты,—управлявшие до сих пор великими народами мира, повидимому, решили покончить самоубийством. Нам, несчастным жертвам этих господ, незачем доискиваться первоначальных причин этого явления, и мы, наверное, никаких попыток не будем делать, чтобы отдалить этот момент великодушного самопожертвования со стороны господствующих классов. Государственные деятели и политики современной Европы своей внутренней и внешней политикой за последние годы очень напоминают обитателей сумасшедших домов или опереточных героев и в достаточной степени доказали всем народам, что совершенно не умеют управлять. Своим мальчишеским интриганством, которое называют почетным именем политики, дипломаты превратили современную Европу в арену для боя быков и гладиаторских схваток. В течение пяти лет солдаты прилагали все усилия к тому, чтобы опустошить и утрамбовать эту арену, вовлекая в эту

работу опустошения также и зрителей, в течение дальнейших двух лет политики упорным трудом старались превратить все оставшееся в кучу развалин. Понятно, почему они сейчас думают о самоубийстве.

Оставляя в стороне прежнюю историю, приходится констатировать, что господствующие классы Европы и Америки за последние 7 лет так управляли миром, что напоминают школьников приготовительного класса. Это ни в коем случае не может послужить на пользу рабочей партии. Последняя намерена взять власть в свои руки в такой момент, когда весь мир не без основания склонен предполагать, что половина его политиков и господ является просто мошенниками, а другая половина в лучшем случае может быть причислена к разряду идиотов. В этом хаотическом состоянии обезумевшей Европы рабочая партия должна провозгласить новый лозунг спасения, способный привлечь и успокоить отчаявшиеся народы.

Положение это не чуждо иронии: так долго ожидать власти и в результате добиться ее как-раз в такой момент, когда разумные люди не без основания задают себе вопрос, может ли быть что-либо худшее, чем новое правительство, безразлично, какого рода оно будет. Между тем «новое правительство» является не результатом сознательного выбора. Колесо истории (будем ли мы ее называть божеской или дьявольской) продолжает вертеться, совершенно не справляясь с человеческими желаниями. Никто не может с уверенностью сказать, что ближайшие продукты этой политической мельницы будут на-руку рабочим.

Задачи рабочей партии колоссальны и заслуживают скорее описания в драматическом эпосе, чем в политической брошюре. Если бы люди обладали хоть кое-каким чувством справедливости, они заставили бы своих теперешних господ самих привести в порядок все то, что они натворили, чтобы не пачкать этой грязью порядочных людей. Но требовать от политиков и дипломатов, чтобы они привели в порядок Англию и Европу, было бы равнозначащим требованию от сумасшедшего, чтобы он очистил коровий хлев: можно быть уверенным, что он смешает навоз с остатками молока. То, что нам нужно,—это не романтическая месть, а спокойствие. Если бы даже на каждом фонарном столбе Лондона повесить одного из этих государственных дураков, нам осталось бы

еще исполнить всю работу по восстановлению. Пусть же всеобщее общественное презрение послужит достаточным наказанием для этих петухов, которые так долго оглашали Европу криками со своей навозной кучи.

Оздоровит Англию и Европу, во всяком случае, не политическая программа. Мы уже испробовали всевозможные смеси политической глупости и мошенничества. Были сделаны попытки укрепить систему современного капитализма на севере, юге, западе и востоке. Со всех ораторских трибун раздавались всяческие партийные лозунги, способные привлекать массы избирателей. Политики менялись своими местами в парламентах, меняя вместе с местами также и свою политику. Наши правоверные государственные деятели в погоне за блуждающим огоньком, называемым «прогрессом», в темноте попадали из кучи грязи в ближайший овраг. Если рабочая партия намерена спасти нас, то она должна предложить нам совершенно другие меры, чем предлагали нам все господа, которые теперь, после зрелого размышления, желают совершить над собой харакири, что, к сожалению, приходится назвать первым их разумным поступком. Программа рабочей партии должна представлять собою нечто совершенно новое в современной политической жизни. Но это не значит, что программа эта должна указать нечто совершенно новое для человечества. Рабочая партия в скором времени поймет, что она нуждается не в новых способах спасения человечества, а скорее должна попытаться опять восстановить несколько основных принципов порядочности в жизни людей, отличающих человека от животного.

Возьмем пример из повседневной жизни. Одним из первых и самых насущных требований современности является борьба с ростовщичеством. Борьба эта довольно успешно велась в средние века, которые на языке несознательных людей принято называть «темными». В то время считалось в высшей степени безнравственным, если кто-либо старался содрать со своего соседа слишком большие прибыли. Церковь предписывала ростовщику обращаться к священнику и исповедаться перед ним в этом, как в одном из смертных грехов. Кроме того, существовали вполне разумные законы против ростовщиков, которые обеспечивали вмешательство власти, когда священник не налагал достаточного покаяния. Достаточно было бы в несколько иной форме вос-

становить эти законы средневековья, чтобы превратить ростовщичество в мошенническое и опасное ремесло, в то время как теперь оно считается просто выгодным и очень прибыльным. Пусть этот пример послужит только иллюстрацией той мысли, что новая программа рабочей партии во многом должна восстановить те здоровые человеческие отношения, которые существовали и раньше. Надо не забывать, что огромная масса человечества совсем не так далеко ушла от чувства порядочности, диктуемого общественными нормами. Есть только очень небольшое количество мелких душонок, которые сделали своим ремеслом систематическое ограбление себе подобных, за исключением, конечно, тех случаев, которые вызваны просто необходимостью борьбы за существование. Ростовщичество ни в коем случае не может быть названо нормальным явлением,—это только случайно проявляющаяся болезнь [1]). Возможно, что этот пример приблизит нас к разгадке программы новой работы партии, если программа эта хочет рассчитывать на кое-какой успех. Новая партия больше нуждается в новой политической и экономической программе; правильнее было бы сказать—не в новой, а в более старой морали, в более старых и здоровых навыках в области искусства и философии. Весь мир за последнее время заблуждался потому, что некоторое количество дегенератов пошли по пути самого грубого себялюбия. Эти последние больше заботились о том, чтобы возможно скорее разбогатеть, чем о том, чтобы производить хорошие товары. Гильдия средневековых ремесленников считала своей первейшей обязанностью назначить эксперта, который исследовал бы все производимые товары, который должен был заботиться о том, чтобы эти товары соответствовали установленным нормам пригодности.

---

[1]) Слово, употребляемое в английском языке для обозначения ростовщика или спекулянта „profiteer", в словаре появилось только приблизительно двадцать лет тому назад. Стремление к легкой наживе существовало всегда, но только за последние два поколения ростовщичество и спекуляция стали в современной Европе ремеслом. Мораль средневекового общества в этом отношении стояла гораздо выше. Мы опять дошли до степени грубого падения Римской республики, когда, как и теперь у нас, во главе государства стояла плутократия, стремящаяся исключительно к своей собственной выгоде. И в средние века было много эгоизма, но проявления его должны были скрываться. Теперь же работающие с успехом спекулянты выставляют себя напоказ в палате лордов.

Акционерное же общество в настоящее время считает своей первейшей обязанностью назначение некоторого количества финансистов, которые должны позаботиться о том, чтобы баланс показал доход сверх нормы. Правда, вопрос этот является вопросом хозяйства и торговли, но это лишь на первый взгляд: если посмотреть на дело глубже, то это скорее вопрос морали. Новая рабочая партия должна трезво и решительно признать, что хорошая проповедь философа или священника может оказать такое же действие, как и тщательно составленные законы о борьбе с ростовщичеством. Ряд открытых моральных поединков в палате общин, моральный бокс, так-сказать, без защитных перчаток, сумеет заставить покраснеть тех господ, которые в парламенте являются представителями спекулянтов. Конечно, мы не утверждаем, что достаточно заставить покраснеть от стыда какого-либо жадного к деньгам члена парламента. Он должен подвергнуться также и законному преследованию, при чем закон этот должен быть в высшей степени строг и крепок, не менее крепок, чем веревка, на которой мы вешаем убийцу, уничтожившего только одну человеческую жертву, в то время, как ростовщик уничтожает тысячи жизней. Пусть грубые охотники за наживой не воображают, что они отделаются одной лишь проповедью: рабочая партия будет достаточно опытной, чтобы создать самый лучший кодекс законов. То, на что мы желали бы здесь обратить внимание, это то обстоятельство, что народ никогда не будет требовать лучшего законодательства, пока он не проникнется высшим учением о морали, учением, которое далеко опережает взгляды большинства теперешних политиков и попов.

К сожалению, положение рабочей партии в этот решительный момент ее истории не может быть названо благоприятным. Она приближается к власти в такой момент, когда все властелины подвергаются насмешкам и осмеянию всего мира; более того—в ее собственных рядах отсутствует единодушие по вопросам о ее политике в будущем. Период юности своей партия провела в убеждении, что она будет требовать установления так-называемого социалистического государства. Весь правительственный аппарат должен был из рук капиталистических депутатов и чиновников перейти в руки представителей рабочей партии и использован ею в интересах нового общественного класса. Новый рабочий

строй не во многом должен был отличаться от капиталистического мира, менялся только хозяин; старое государство должно было остаться; оно должно было только служить новым целям.

Между тем, тяжелые сомнения обуяли головы лучших людей. Коротко говоря, можно полагать, что теперешнее правительство плохо не только потому, что оно является правительством богачей, а потому, что оно представляет собой господство бюрократии. Растет опасение, что социалистическое бюрократическое государство представит столько же опасностей для свободы и народного благосостояния, как и капиталистическое. Выражаясь словами современных политических партий, разрастается борьба между руководящей идеей старого государственного социализма и новой (или лучше сказать более старой) идеей децентрализованного правительства, мелких хозяйственных единиц с большим правом самоуправления. Если выразиться еще короче, то борьба эта сводится к борьбе между государственными и гильдейскими социалистами. Рабочая партия может достигнуть власти еще до решения участи этой борьбы. Однако, мысль о том, что Англии нужна не только новая политическая партия, но также и новая экономическая политика, все больше и больше распространяется. Правоверная социалистическая политика оказывается гораздо более похожей на старый капиталистический режим, чем представляло себе большинство энтузиастов.

Целью настоящей брошюры является дать в общих очертаниях политику новой рабочей партии и новой рабочей экономики. Политика и политики в последнее время вызывают к себе столько презрения, что новые люди рискуют встретить полное молчание со стороны окружающих, если они выступят со старыми лозунгами или с чем-либо похожим на эти старые лозунги. «Это вновь нарождающиеся политики, — скажет простой человек, — разве они не утверждали всегда, что они дают что-то новое, что-то совершенно отличное и гораздо лучшее, чем старое... Мы устали от них; они, может-быть, такие же мошенники, только в новой шкуре... Этих мошенников теперь развелось уж больно много... Ранее или позже все они опять набросятся на политику... Съешь их чума совсем!».

Если рабочая партия хочет иметь успех, если она хочет

повести за собой общественное мнение, она должна прибегнуть к такой стратегии и тактике, которые ни в коем случае не могут быть подменены чем-либо пахнущим политикой. Она должна объявить себя сторонницей нового законодательства, должна стать поборницей новой общественной морали, которая ни в коем случае не может быть ложно понятой и не должна быть принятой за что-либо, что уже предлагалось за время сознательного существования человечества. Все это по своему значению и дальновидности может оказаться гораздо более всеобъемлющим, чем представлял себе рабочий класс до настоящего времени.

Глава вторая

ПРОБЛЕМА ПРАВИТЕЛЬСТВА

Существует мнение, что писать утопии—вещь очень трудная, и что только выдающиеся люди, в роде лорда канцлера или очень популярного романиста, могут с успехом справиться с этой задачей. Мнение это совершенно неправильно. Почти каждый из нас может представить себе идеальный порядок общества для идеальных людей, а, ведь, это и есть проблема утопии. Для ангелов вообще не существует никаких проблем: они всегда делают то, что им приказывают; более того, они обычно даже не нуждаются в приказаниях. Существа совершенные не нуждаются вообще в правительстве, и в идеальном государстве будущего политическая конституция будет иметь сравнительно очень небольшое значение. Но для того, чтобы найти наилучший способ управлять теми обыкновенными людьми, которые с интересом следят за матчем футбола, в конце недели обычно отправляются в Брейтон или воскресения проводят на Темзе, нужен действительно творческий дух. В противность ангелам, эти люди нуждаются в огромном количестве указаний по вопросу о том, что им надо делать, а поступают они, согласно этим указаниям, только в самых редких случаях. Коротко говоря, проблема управления имеет дело не с идеальными существами, а с той разношерстной толпой абсолютно несовершенных людей, которых можно сотнями встретить на улице, в любом трактире и в любом клубе на Пэль-Мэль. Проблема управления состоит в том, чтобы найти средства заставить людей несовершенных поступать так, чтобы поступки их были немного более совершенными. Как ни странно, при разрешении этой проблемы на первом месте стоит вопрос о том, чтобы научить людей обходиться без всякого

правительства. Тот, кто занимается разработкой политических планов и старается находить научные основы в жизни общества, никогда не наталкивается на тот туманный образ идеального общества, который так радует при чтении всевозможных утопий. Деловой практический человек, ломающий себе голову над проблемой идеального существа, теряет только время и затемняет весь вопрос. Пусть он в субботний вечер пройдется по главной артерии какого-либо квартала бедноты, пусть он займется изучением толпы покупателей в каком-либо универсальном магазине западной части города, или пусть он присмотрится к толпе гостей в любом ресторане Пикадилли: там он найдет элементы, нужные для разрешения поставленной задачи, а задача эта заключается в том, чтобы создать такую систему законов общежития, которая может быть легко понята любым полковником, которая привлечет в то же время внимание толпы праздничных гуляк на любом пляже. Управлять—значит руководить повседневной жизнью обыкновенных людей.

Уже в самом начале мы сталкиваемся с очень серьезными затруднениями. Пусть никто не воображает, что этот вопрос можно решить путем логики и здравого рассудка. Когда средний избиратель направляется к избирательной урне, он на это время логику и здравый рассудок оставляет дома. Народ, поставивший во главе правительства в 1918 г. коалиционное министерство вместе с его парламентом, очевидно, не умеет разбираться в политических вопросах с точки зрения здравого рассудка. Народ, который полагал, что разрушенная Германия сумеет заплатить все военные издержки, который думал, что Ллойд-Джордж и его друзья-плутократы приведут страну в состояние мира,—такой народ состоит из избирателей, вступающих в политическую борьбу, очевидно, с тем же счастливым легкомыслием, с каким они повторяют напев уличной песенки. Могут возразить, что, ведь, те же избиратели теперь как-будто прилагают все усилия, чтобы при каждых новых дополнительных выборах поступать как-раз обратно тому, как они поступали при всеобщих выборах. На это можно ответить, что народ этот нисколько не выигрывает в наших глазах, если мы узнаем, что он одновременно и непостоянен, и неблагоразумен. При внимательном наблюдении это непостоянство в политических настроениях избирателя производит впечатление пьяницы, ко-

торый пытается встать, опираясь на забор, и при этом валится на другой бок. Кто следит за историческим ходом событий, тот вынужден относиться крайне скептически к состоянию духа масс избирателей. Приходится раз-навсегда отказаться от надежды найти такой народ, который посвящал бы столько внимания вопросам политики, сколько он посвящает подсчету денег, когда он получает перевод по почте. Никто не занимался вопросом о том, чтобы проследить, исполняют ли политики все свои обещания, данные ими перед выборами. Политики довольно благоразумно совершенно устранили разум из области своей деятельности: они, может-быть, сами понимают, что разумные размышления могут стать очень опасными для их собственных политических идеалов. Вследствие всего вышеизложенного, всеобщие выборы в Англии, вместо того, чтобы представлять собой разумную борьбу взглядов и мнений, скорее похожи на грубую схватку во время футбольного матча. Лозунги в роде «повесить кайзера» представляют собой не серьезные попытки установить порядок в Европе, а скорее похожи на воинственный клич в какой-либо студенческой драке.

Таким образом, проблемы, в которых речь идет о самых обыкновенных человеческих существах, как проблемы спорта, далеки от области всяких утопий. Говорить об этих проблемах языком философии было бы так же смешно, как если бы какой-нибудь полицейский судья попробовал руководствоваться максимами Канта, осуждая пьяницу, или этикой святого Фомы, говоря с людьми, бьющими своих жен. Первейшей обязанностью каждого серьезного политика, занимающегося вопросами политики, является наблюдение за тем, как живет толпа, толпа, которая иногда действительно слишком проста.

В Англии мы придерживаемся демократического принципа, согласно которому правительство избирается голосами большинства взрослых граждан. Все затруднение состоит в том, что эти граждане очень редко действительно интересуются выборами; если же они проявляют к ним интерес, то обычно они избирают первого попавшегося им на глаза политического авантюриста. Коротко говоря: теоретически в Англии господином положения является уличная толпа, которая не может или не хочет рассуждать; в действительности же страна возглавляется маленькой группой политических деятелей, заинтересованных большей частью только своей лич-

ной карьерой или благополучием своих господ—финансовых королей и индустриальных баронов, марионетками которых они являются, танцуя под их дудку. Тем, кто с нами не согласится, мы рекомендуем чтение биржевых газет и балансов акционерных обществ. Кто не отдает себе отчета в том, что Англия управляется в интересах этой малочисленной группы, тот очень похож на молодого котенка, не научившегося еще видеть как следует.

Перед рабочей партией стоит проблема—научить котят видеть. Этим мы нисколько не желаем сказать, что рабочий в главнейших вопросах жизни и ее проблемах является глупцом. У него достаточно совершенно здравого рассудка во всех вопросах, касающихся мировых проблем. В этой области он мог бы даже дать много очков вперед профессиональным философам и все-таки побить их. Но судьба странным образом устроила так, что рабочий никогда не сумел усвоить искусства политики и управления крупными государствами. К сожалению, мы не можем здесь войти в обсуждение причин этого явления. Чтобы наметить лучшие пути политики рабочей партии, необходимо прежде всего понять, что партия должна оказывать воздействие на огромное множество людей, до сих пор очень мало интересовавшихся вопросами политики. Как это ни странно, но приходится констатировать, что отклик со стороны рабочих был очень невелик, когда речь шла об их собственных интересах. В большинстве случаев они упорно голосуют за своих господ, иначе рабочая партия завоевала бы уже большинство в палате общин. Как рабочая партия может подойти к толпе, ежедневно до потери сознания работающей на пользу своего господина, а в день выборов голосующей в пользу этих эксплоататоров? Положение во многом напоминает опереточное: с точки зрения логики очень трудно подойти к этой проблеме. История свидетельствует, что эта неспособность рабочего защищать свои собственные политические интересы, его неприспособленность к управлению всем аппаратом правительства—явление непреходящего характера. Вся история человечества в очень большой степени является историей народа, покорно подчинявшегося воле меньшинства. Что касается последних нескольких столетий, то можно даже утверждать, что народ все больше и больше покорялся своей судьбе, вместо того, чтобы сопротивляться ей. Население,

например, Чикаго является гораздо более послушным своим судьям и полицейским, чем англо-саксонцы в дни Альфреда Великого. История современной цивилизации по большей части является историей укрепления власти немногих господ путем быстро централизующегося государственного аппарата.

Правда, народы иногда восставали против своих господ, но восстания эти редко имели успех. В истории очень много места посвящается неудачным попыткам народа сбросить с себя иго господствующих классов. Римляне попытались уничтожить власть цезаря в Риме. Это им удалось, и город стал республикой. Каковы же были последствия этого? Богатые люди, захватившие власть в свои руки, согласно новой конституции, присвоили себе гораздо больше государственных земель, чем какой-либо из цезарей в свое время. Найдется ли кто-либо, кто посмеет утверждать, что граждане республики Соединенных Штатов теперь в такой же степени свободны, как англичане, бежавшие от Карла Стюарта, чтобы создать это новое убежище свободы? Карл никогда не бросал в пожизненное заключение кого-либо только за то, что он был противником его взглядов. Когда Стаффорд заговорил об абсолютизме, ему просто-напросто сняли голову. В тюрьмах Соединенных Штатов теперь томятся многие вожди рабочих, а демократия покорна, как стадо овец. Несмотря на это, лишения свободы там гораздо более многочислены и серьезны, чем во время Стюартов, заставлявших владельцев больших земельных участков платить налог на военные суда. Обычно восстающий народ после восстания попадает в более скверное положение, чем раньше. Стаффорд бесспорно был человеком большого самомнения (хотя главнейшая его ошибка в глазах богатых пуритан состояла в том, что он пытался защищать крестьян от их господ). Возможно также, что явилась необходимость заставить его научиться быть более умеренным. Как бы то ни было, главным результатом восстания пуритан было то, что место отдельных тиранов заняли Питты, Гренвили и сотня других магнатов из среды вигов. Английский народ в результате двух своих революций в XVII столетии ничего не выиграл, а, наоборот, попал в еще худшее положение; гораздо тяжелее переносить издевательства сотни плохих правителей, чем одного тирана.

Как бы то ни было, какие бы средства для политического освобождения человечества мы бы ни устанавливали, одно можно сказать с уверенностью: эти средства не могут подействовать в один день. Нужны были десятки тысяч лет для того, чтобы человечество освободилось от совершенно бесполезных хвостов и перестало обитать на деревьях; после столь многочисленных «побед» прогресса мы живем в такую ужасную эпоху хаоса, что, несмотря на имеющееся в нашем распоряжении достаточное количество сырых материалов, инструментов и рабочей силы, чтобы создать второй Лондон, мы абсолютно не в состоянии построить то ничтожное количество домов, которые не были построены за несколько лет мировой войны. Если это является результатом прогресса нашей цивилизации за несколько столетий, то нельзя надеяться, что мы одним прыжком очутимся в раю, если мы через неделю произведем революцию. Можно извинить рабочих тяжелого физического труда, у которых нет времени читать книги по истории, если они еще надеются на революцию. Но всякому известно, что этот класс реже всего требует насильственного переворота. Революции почти всегда производятся средними и высшими классами, располагающими большим количеством свободного времени. Более тщательное изучение истории свидетельствует еще о том, что большое количество этих пламенных революционеров,—этого незачем скрывать,—просто стремится к своим собственным выгодам. Конечно, в некоторых случаях они поступали вполне честно. Но тогда приходится констатировать, что эти пламенные революционеры не обладали достаточным количеством мозгов, чтобы понять, что вся история, вся человеческая психология и вся экономика были против них. Господа, которые проповедывали кровопролитие и насилие, часто оказывались теми, которые были недовольны своими успехами внутри господствующей касты. Они стремились к большей власти и надеялись, что успешная революция вынесет их наверх. Надо обладать большим количеством смелости, чтобы говорить беднякам, что спастись они могут только работой по строительству, что разрушение существующего ничего нового не создает. Революция является последним убежищем политического авантюриста. Детский лепет о диктатуре пролетариата в действительности очень часто совпадает с диктатурой авантюристов. Эта диктатура легла в основу славы многих силь-

ных людей; единственно чего диктатура не добилась—это благосостояния народа. Французский террор не освободил французского народа, а привел только к восшествию Наполеона на императорский престол.

Все вышесказанное ни в коем случае не предписывает рабочей партии беспрекословно принимать все те подачки, которые делают рабочим либералы и консерваторы. Это не освобождает рабочую партию от необходимости вести уверенную линию в политике, сопротивляясь самым упорным образом почти всем подачкам, которые преподносятся ей господствующими партиями. Это не дает права рабочей партии во время выборов заключать компромиссные соглашения с какой-либо другой партией. Рабочая партия обязана бороться против радикалов и ториев при всяких выборах. Но в то же самое время необходимо разъяснить рабочему классу, что никакие политические или революционные шашни не приведут его к раю земному. Работа по управлению, подобно всякой другой области человеческого развития, является процессом строительства, которого ни в коем случае нельзя обойти никакими красивыми фразами революционных болтунов. Нет укороченного пути к свободе, как нет сокращенного пути для приобретения знания. Само собой разумеется, можно найти такой путь, который будет казаться коротким, если сравнить его с теми истоптанными дорожками, по которым плетутся теперешние руководители государства, стремящиеся к совершенно противоположным интересам. Рабочая партия должна проповедывать классовую борьбу; борьба эта должна быть направлена против того класса, который стремится обеспечить свое благосостояние за счет своего соседа. Такого рода проповедь, может-быть, приведет к тому, что многочисленные «революционные вожди» окажутся среди господ, и что кое-кто из аристократов окажется на стороне народа.

Название настоящей брошюры должно быть понимаемо в том смысле, что политика рабочей партии мыслится нами как парламентское учреждение, охватывающее всю страну. Теперешняя рабочая партия в парламенте утверждает, что она является альфой и омегой всякого рабочего движения. Если бы партия эта правильно вела свою работу, она имела бы право претендовать на таковою рода название. Но до того момента, пока эти претензии не будут оправданы успе-

хом партии, с рабочим движением дело будет обстоять неладно: оно будет статуей без головы. До настоящего момента рабочая партия не может претендовать на такую роль. Парламентская группа не ведет за собой рабочего класса; очень часто можно утверждать, что группа эта скорее вызывает противодействие со стороны рабочего класса. Если прислушаться к мнениям людей из народа, то иногда приходится полагать, что парламентские вожди рабочего класса скорее будут изрублены своими собственными приверженцами, чем расстреляны военными властями как революционеры. Все же, было бы несправедливо всю вину за медленное развитие взвалить на плечи депутатов парламента. То обстоятельство, что приверженцы рабочей партии вне парламента теряют терпение и часто громко заявляют о своих требованиях, во всяком случае явление здоровое. Каждая сторона приводит свои довольно веские аргументы. Обязанностью рабочих в целом является громко и ясно заявить о том, чего они хотят, выразить все свои желания возможно полно и кричать о своих требованиях со всем напряжением легких. Обязанностью парламентской группы рабочей партии является не выставлять конечные требования, а облекать в практические и приемлемые формы все то, что может быть исполнено в данный момент. Массы вне парламента обязаны выявить свои идеалы; исполнительная группа в парламенте должна установить, что из этих идеалов может быть осуществлено сейчас же или через неделю, и установить в точности те мероприятия, в которые должны вылиться требуемые реформы. Пусть неисправимые горячие головы наслаждаются возможностью обсуждать свои надежды. Рабочая партия должна принять участие в этих обсуждениях, придавая этим надеждам осязательную форму, в согласии со здравым человеческим смыслом и считаясь с обстоятельствами и возможностями.

Главнейшая задача парламентской рабочей партии сводится к тому, чтобы установить краткий определенный план реформ, на осуществлении которых она серьезно может настаивать в палате общин предстоящей сессии. Она должна избегать всячески занятия стратегически слабой позиции, заключающейся в обсуждении всяких утопических планов: палата вполне благоразумно могла бы ответить, что ей нет никакого дела до этого мира мечтаний. Правда, палата сама

очень редко стремится к осуществлению практических реформ. Наоборот, большую часть своего времени она посвящает усилиям избежать таких реформ. Но как-раз это именно обстоятельство и дает возможность рабочей партии доказать, что она является единственно практической партией в парламенте. Если, например, либералы и тори вносят законопроект против ростовщичества, имеющий столько же шансов на устранение ростовщичества и спекуляции, как законопроект о приостановке всего уличного движения, то рабочая партия легко может сделать своих противников посмешищем, доказав, что они являются неисправимыми мечтателями и совершенно неспособными коновалами. Далее рабочая партия может вполне открыто признать, что осуществление утопий дело далекого будущего. Но в то же время она будет исполнять лишь свои ближайшие обязанности, если она самым решительным образом заявит, что она намерена провести в жизнь такой налог на наследства, который не коснется только очень небольших капиталов; пусть хоть эта реформа послужит некоторым утешением за слишком долгое и мучительное ожидание идеального порядка. Такая реформа прекратит все возможности накопления крупных капиталов, а это накопление является самой тяжелой опасностью для государства, является корнем всякой тирании.

Другими словами, рабочая партия должна стать дальновидным агентом, так-сказать, присяжным защитником очень разношерстной и очень нерешительной толпы людей, которые не в состоянии защищать свои собственные интересы. Мы исходим из того факта, что средний гражданин далеко не является идеалом. Он весьма редко сам подвергает себя труду подачи голоса: в большинстве случаев его надо силой тащить к избирательной урне. Возможно, что недалек тот день, когда остроумный депутат, в целях приобретения популярности, внесет законопроект, обязывающий руководителей выборов с избирательной урной в руках обходить дома всех выборщиков, как молочник обходит своих клиентов с бидоном в руках. Как бы то ни было, можно заставить избирателей отдавать свои голоса, но гораздо труднее заставить их хорошенько поразмыслить. Та самоотверженность, с какой рабочие до сих пор защищают привилегии своих господ, может исполнить радостью сердце всякого альтруиста; она свидетельствует о почти полном триумфе воззрений Иисуса Хри-

ста. Но на пути рабочей партии она является препятствием и должна вызвать опасения этой последней. Возможно, что такого рода опасения недальновидны, так как наличность массы совершенно бескорыстных граждан является самым лучшим обеспечением для существования идеального государства. Но это уже вопрос нравственно-философского характера и нашему обсуждению здесь не подлежит. На практике задачей рабочей партии является установление определенной программы и такого рода воздействия на массы, которое привлечет на ее сторону большинство избирателей.

Глава третья

ОБЩИЕ МЕТОДЫ ПРОПАГАНДЫ

Из сказанного в предыдущей главе можно было бы заключить, что рабочая партия в нашем смысле является прежде всего составной частью парламента, и что она, вследствие этого, в своей программе должна ограничиваться исключительно политикой законодательства в палате общин. Такого рода заключение было бы неправильным. В настоящее время парламент в теории является центром британской конституции. Если можно предсказывать, то следовало бы утверждать, что законодательное собрание будет тем органом, который даст окончательное выражение воле народа. Но если большинство крупных социальных изменений раньше или позже получает свое выражение в форме законов, то из этого еще не следует, что политическая партия должна сосредоточить главную часть своей работы в парламенте и при этом облекать эту работу непременно в форму законодательства. В действительности, одной из главных задач парламента является контроль над исполнительной властью, наблюдение за деятельностью крупных органов управления правительственного аппарата. Этот контроль над исполнительной властью является такой же существенной работой парламента, как и выработка новых законов.

Само собой разумеется, что первая практическая работа рабочей партии должна состоять в создании большинства в палате общин. Эта задача сама по себе неукоснительно ведет к тому, что огромная часть ее работы должна производиться между избирателями вне парламента. Поэтому первейшей задачей рабочей партии является проведение просветительной кампании, которая научит большинство граждан понимать, что партия эта совсем не рабочая партия в тесном смысле

слова, а скорее является защитницей благосостояния народных масс, защитницей интересов людей средних классов, занимающихся свободными профессиями и ремеслами, как и рабочих наемного труда, против враждебных обществу привилегий немногочисленного класса банкиров, промышленных баронов, городских крупных землевладельцев и всех их приспешников. Необходимо считаться с состоянием английского языка в том виде, в каком он сейчас находится; поэтому небесполезно было бы обсудить, подходит ли слово «работа» для определения той широкой общественной базы, на которой будет строиться политика партии. Всякому ясно, что «работа» в широком смысле этого слова определяет и деятельность высшего чиновника в министерстве иностранных дел, и деятельность подметающего улицы рабочего. На практике же тот смысл, в котором употребляется обычно это слово, приводит к необходимости давать бесчисленные объяснения, чтобы такого рода чиновник и его отец (последний может быть даже дворянин) поняли, что в случае добросовестного исполнения своей работы такой чиновник может наравне с любым кровельщиком рассчитывать на защиту и услуги со стороны рабочей партии, при этом может получиться такое положение, что, скажем, занятый тяжелым трудом дворецкий может быть рассматриваем как не входящий в состав рабочей партии, так как само существование дворецких, с точки зрения общественной, совершенно излишне. В состав средних классов входят тысячи людей, исполняющих очень полезные обязанности, защита которых должна входить в круг обязанностей рабочей партии.

Имеется не менее дюжины очень серьезных вопросов, которые должны быть включены в программу рабочей партии, чтобы эта программа была представлена в палате общин. Чтобы внести ясность в этот вопрос, необходимо прежде всего создать для партии первоклассную газету. Какие серьезные шаги предприняты партией до сих пор для основания хорошей и пользующейся влиянием ежедневной газеты? Это просто позорно для всего британского рабочего движения, что оно до сих пор лишено газеты, которой оно могло бы гордиться. Половина интеллигенции готова к ее услугам: такая газета могла бы ежедневно давать обществу полный и хорошо составленный обзор всех мировых событий, написанный пером высокообразованного человека. Исте-

рические крики толпы фанатиков, как бы они ни были искренни, только ставят нас в смешное положение. Такая помощь нам только мешает. Никто не усомнится в том, что рабочее движение может создать первоклассную ежедневную газету, если только этого пожелает рабочая партия. Последняя обязана поставить это стремление во главе своей программы. Если плутократам выгодно поддерживать свою партийную печать, то противникам их это принесет в тысячу раз больше выгод. Да нам это во стократ легче сделать, чем им: ведь, нам необходимо лишь говорить правду, в то время, как на долю плутократов выпадает гораздо более тяжелая обязанность—скрывать эту правду. Если газета будет хорошо вестись, то вся публика будет ее покупать, так как она будет самой блестящей и самой правдивой газетой в любом киоске. До сих пор публика скорее покупает рабочую газету для того, чтобы выразить свои симпатии рабочему делу. Весьма печально, если рабочая газета покупается из тех же побуждений, из которых подают милостыню. Газета эта ни в коем случае не должна находиться во власти официальных партийных вождей в Вестминстере. Партия должна быть настолько дальнозоркой, чтобы доверить свои дела штабу литераторов, которые могли бы пользоваться свободой, высказывать все, что они считают верным, даже по самым крупным вопросам движения; понятно, само движение, как и всякий читатель вообще, по мере возможности, должно пользоваться правом защищать свои воззрения. Нам нужна большая рабочая газета, которая сумела бы широко охватить происходящее.

Лица, которые будут стоять во главе первой действительно ежедневной газеты рабочей партии в Англии или в другой какой-нибудь стране, должны обладать большим мировым опытом. Только такие люди сумеют выразить те широкие и всеобъемлющие философские воззрения, которые освободят рабочую партию от узкого классового миросозерцания. Благодаря странной игре судьбы, самые широкие мировоззрения часто принимаются людьми с самым узким кругозором. Весь смысл мировоззрения рабочей партии заключается в том, что оно приемлемо для большинства людей в мире, между тем, как теперешняя система благоприятствует только очень небольшому меньшинству. Рабочая газета должна была бы отвечать потребностям этого боль-

шинства. Это создало бы для нее такую популярность, которой до сих пор, к сожалению, не достигала ни одна из созданных рабочим движением газет. Прежде всего идеальная газета рабочей партии должна отказаться от неприятной манеры «проповедничества», вызывающего невольное сопротивление всех нормальных людей. Сопротивление это, может-быть, вызывается тем обстоятельством, что нормальный человек не желает постоянно слушать о том, как он должен поступать и что он должен думать, а предпочитает узнавать о событиях и пользоваться человеческим правом собственного суждения, чтобы найти ответы на все вопросы, вытекавшие из этих событий. Поэтому руководитель идеальной рабочей газеты должен создать хороший осведомительный орган, т.-е. такую газету, которая содержит самые правильные сведения. Газета должна при этом говорить только правду и воздержаться от выводов. Неудовлетворительные результаты пропаганды рабочей партии объясняются в большей своей части ее манерой, ставящей ее в один ряд с усердными проповедниками различных сект.

Основание хорошей и пользующейся влиянием рабочей ежедневной газеты будет одной из первейших обязанностей внепарламентской деятельности парламентской рабочей партии. Следует, однако, заметить, что парламентская рабочая партия может во многом расходиться с общепринятыми в Вестминстере обычаями, хотя расхождение это будет не таким уже большим, как может показаться на первый взгляд. До тех пор, пока английский народ не будет знаком с английской историей в большей, чем до сих пор, степени, он не научится твердо и успешно справляться с теперешней кликой политических интриганов и их господ-плутократов, которые стоят во главе нашей страны. Всякая реформа базируется на прошлом, а знакомство среднего англичанина с историей прошлых времен составляет только весьма незначительную часть всего его духовного багажа. То, что он знает из истории своей страны, обычно не соответствует истине, так как знакомился он с историей по учебникам пристрастных писателей, которые, может-быть, искренне пытались говорить правду, но головы которых были полны классовых предрассудков, рассматривающих весь мир как неотъемлемую собственность небольшой господствующей группы. Ведь кафедра истории в Оксфордском университете в

конечном счете была основана министрами вигов Ганноверской династии с исключительной целью защищать принципы данного правительства. Все правоверные историки до сих пор по существу остались верными традициям этих основоположников. Рабочая партия должна путем распространения дешевых книг и дешевых лекций позаботиться о том, чтобы англичане, наконец, ознакомились с истинной историей Англии и позабыли о легендах, заполняющих обычно большинство книг по истории. В десяти томиках, стоимостью каждый в полкроны, можно было бы рассказать народу об истории мира гораздо больше, чем полагает даже самый талантливый кандидат на ученый диплом.

Есть еще одна первейшая обязанность рабочей партии, выполнение которой может быть облегчено лучшим знанием исторических событий. Вожди рабочей партии должны всеми мерами стараться окружить господствующие классы презрением и насмешкой. Классы эти вполне заслужили такое отношение. История же—это рассказы об ошибках и неспособностях великих людей. Депутаты рабочей партии питают необъяснимое уважение к своим противникам, между тем как последние совершенно не заслуживают его. Они должны были бы обращаться с выступающими на парламентских трибунах вигами и ториями в духе того смелого презрения, с которым в балаганах обращаются с городовыми. Если бы депутаты рабочих были на высоте своего положения, то кабинет министров постоянно находился бы в положении преследуемого, в положении поджариваемого на огне. А когда петрушка с ними справится, тогда на сцену должен был бы выступить шут и преследовать их, а все присутствующие покатывались бы со смеху, как дети при виде петрушки. Вся тактика рабочей партии должна свестись к тому, чтобы превратить правительственную клику в предмет насмешек всего мира. Если Бонар-Лоу громогласно заявляет и пытается убедить палату общин, что он или заседающие во дворце в Дублине знают, как управлять Ирландией, то вожди рабочей партии должны с трибуны предложить обратиться к ближайшей бирже труда и послать в Ирландию полдюжины безработных судомойщиц, назначив из их среды первого государственного секретаря и вице-короля Ирландии. Никто не сможет утверждать, что любая молодая женщина справится с работой по управлению Ирландией хуже, чем теперешние

ее господа, но это обойдется во всяком случае гораздо дешевле. Мы слишком принимаем всерьез этих важных господ из состава правительства, а они обладают огромным количеством свойств чисто-комического характера; надо только уметь подойти к ним.

Если, однако, будущим местопребыванием рабочей партии будет Вестминстер,—а, надо полагать, что в будущем партия будет там заседать более усердно, чем до сих пор,—то главнейшим местом деятельности партии должна быть вся страна. Можно с полным правом придерживаться того мнения, что излишне тратить время на участие в заседаниях такого собрания, большинство которого упорно отказывается от всяких реформ, диктуемых разумом, и руководится исключительно своими узко-эгоистическими интересами. Но если рабочая партия научится хоть сколько-нибудь умело владеть игрой, то заседания парламента, всякий раз обнаруживающие непроходимую глупость и эгоизм правящих, только послужат на пользу рабочей партии. Уже очень давно указывалось, что палата общин является лучшей трибуной для проповеди социализма, между тем, парламентские депутаты рабочей партии только в очень скромных размерах использовали все представляющиеся в этом отношении возможности.

Высмеять важного, тяжеловесного и скучного противника— это, однако, только отрицательная сторона задачи; необходимо также бороться с ним положительными мерами. Эта борьба должна вестись таким убедительным образом, чтобы привлечь внимание всего мира, а не только мечтателей и рыцарей принципов. Нельзя ограничиться внешним успехом, заключающимся в удовлетворении интересов большинства; реформаторы, гордящиеся своей работой, всегда должны будут считаться с мнением меньшинства. Будущий общественный строй омрачится самым ненужным образом, если он будет включать в себя лишенных своего имущества герцогов и отставных майоров, собирающих окурки и другие воспоминания своего былого величия. Может наступить такое время, когда преисполненный сострадания вождь рабочих внесет проект о вспомоществовании лишенным своего имущества спекулянтам и сильным мира сего (эти понятия приблизительно будут совпадать, если преподнесение дворянских титулов и орденов новым богачам продолжится еще несколько лет). Реформы, базирующиеся на сухом утили-

таризме, стремящемся к «созданию возможно большего счастья для возможно большего количества людей», были бы весьма ограниченными реформами. Рабочая партия должна раз-навсегда вбить в голову народа, что она является единственной политической партией, заботящейся не о классах, а о всем народонаселении в целом и о каждом в отдельности. Если рабочая партия должна стать только другим правящим классом, должна захватить в свои руки диктаторскую власть, то нет никакого смысла присоединяться к этой партии. Во всяком случае нечего опасаться такого рода эгоистической политики со стороны работников физического труда. До сих пор эти последние посвящали все свои усилия исключительно защите интересов других, но ни в коем случае своих собственных.

Глава четвертая

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Есть много путей, которые могут помочь наемному рабочему в его борьбе против бессовестных господ, в его борьбе против еще более опасной, бессовестной и глупой системы, растирающей в порошок всякого, попадающегося ей на пути, с той же бессмысленностью, с какой железнодорожный поезд уничтожает все, попадающееся ему навстречу. Есть много путей, способных временно изменить это положение, но решительное средство имеется только одно: рабочие сами должны взяться за организацию промышленности и не позволять дальше выполнять это дело своим господам. До того момента, пока рабочие не станут своими собственными работодателями, они всегда будут только наемными рабочими, безразлично, будут ли их господами капиталисты, бюрократы или благотворительные общества. Между тем, работа не должна приостанавливаться, иначе грозит голод и нищета. Если рабочие не желают сами организовать процесс созидания ценностей и товарообмена, тогда это необходимое дело возьмут на себя фабриканты и банкиры, и до того момента, пока не найдется другого, мир не позволит себя убедить выбросить просто старых хозяев на улицу. Надо сознаться, что мир в данном случае поступит до некоторой степени благоразумно.

Если рабочая партия предполагает, что она может решить серьезную проблему класса, представителем которого она является, путем участия в заседаниях в Вестминстере, где принимаются разные законы, то она совершенно не осознала, к сожалению, положения вещей. Законы являются только средством к достижению цели; цель же, главным образом, состоит в организации и в господстве над самым процессом производ-

ства и обмена. Всякому понятно, что эта в высшей степени важная работа по большей части производится вне парламента, что законы только оказывают при этом посредственное влияние. Разумные законы, конечно, будут весьма полезными, более того, они будут необходимыми. Но начало и завершение процесса работы будет производиться в мастерских, а не в законодательных палатах.

Члены парламента должны будут запастись большой долей искренности и честности, чтобы иметь смелость сказать своим избирателям, что работа парламента при осуществлении различных реформ принесет только весьма ограниченную пользу, что избиратели сами должны создать средства спасения. Это заявление покажется сначала бессовестным отрицанием всех тех высоких надежд, которые имелись у избирателей во время выборов. В устах политиков такого рода заявление может показаться даже самоуничижением. Но для того, чтобы избиратели стали разумными и поняли настоящее положение вещей, необходимо будет часто прибегать к искреннему самоуничижению в вопросах политики. Если рабочая партия будет придавать значение тому, что должно отличить ее от других партий,—а именно, своей правдивости,—то она имеет возможность добиться этого отличия. Она должна заявить английскому народу, что главнейшая общественная задача современного коллектива заключается в организации и распределении ценностей и что отношение парламента к этой работе может быть только весьма косвенным. Однако, без этой хоть и косвенной помощи законодательного собрания народ не сумеет добиться осуществления своих задач без всяких затруднений. Возможно, что на долю рабочей партии выпадет как-раз очень важная роль в этом отношении при решении всех вопросов жизни общества.

Необходимо создать такие юридические нормы, которые дадут возможность коллективу трудящихся (под таковыми мы здесь, конечно, подразумеваем также весь технический и торговый аппарат) стать на место ограниченной группы капиталистов в качестве решающего фактора в вопросах производства и торговли. При этом нам все яснее и яснее становятся те принципы, за которые будет вестись борьба этих двух партий, небольшой партии капиталистов и огромной партии трудящихся. Имеются попытки затемнить сущность вопроса путем утверждения, что капитал находится не в

руках небольшого класса людей, но распределяется между всеми классами общества во всевозможных формах, начиная с обладания акциями до участия в прибылях включительно. Это объясняется, главным образом, тем обстоятельством, что капитал теперь может принимать форму небольших акций, находящихся в обладании вдов и других, что он может принимать также другие, подобные акциям, экономические формы. Но утверждение это абсолютно неправильно, так как оно касается только одной определенной формы капитала, а именно—права получения процентов, которым теоретически может пользоваться наравне с миллионером также и мелкий торговец, заменивший свою лавочку какой-либо виллой за городом. Оба они получают свои дивиденды, но они не участвуют в равной степени в другом, гораздо более важном деле, а именно—в праве господства над промышленностью и в возможности в конечном счете добиться тех или других законодательных мероприятий. Капиталист имеет возможность это сделать, а эта возможность настолько велика, что он совместно с небольшой группой себе подобных теперь почти исключительно является политическим и экономическим хозяином Англии, получая большую часть добычи в свое собственное пользование. Мелкий же собственник получает лишь столько, сколько требуется для поддержания жизни, и свобода действия его ограничивается исключительно возможностью, скажем, использовать свои несколько фунтов стерлингов для жизни на каком-нибудь пляже или на даче в деревне.

Одна из первых и разумных обязанностей рабочей партии будет состоять именно в том, чтобы ясно и воочию показать, что она умеет точно отличать магната от отставного мелкого купца, хотя оба они получают свои доходы при теоретическом господстве современной хозяйственной системы. Другой вопрос заключается в том, не получает ли мелкий торговец дивидендов от накопленного капитала гораздо больше, чем потерявший трудоспособность рабочий. Рабочая партия должна одинаково беспристрастно рассмотреть все вышеприведенные факты. Необходимо совершенно ясно установить, что программа рабочей партии достаточно широка, чтобы обеспечить всем средний минимум существования, за исключением той сравнительно небольшой группы богачей, образ жизни которых явно противоречит всем требованиям

здравого рассудка. Найдется очень немного слоев трудящихся среднего класса, которые пострадают от полного признания программы рабочей партии, а те, которые до сих пор живут на свои дивиденды, ничего не производя, очень скоро растворятся в массе трудящихся. Кстати заметим, что это освободит их от праздного существования, так как заставит их больше работать и меньше зарабатывать. Но положение средних классов еще более выяснится тогда, когда будет установлена программа, регулирующая промышленную жизнь страны путем гильдий, хотя бы в общих чертах.

Исходным пунктом этой программы будет положение, что, во-первых, единственной формой богатства является вознаграждение за физический и умственный труд. Во-вторых, программа эта установит, как правило, что рабочие имеют полную возможность участвовать в регулировании и организации своего промысла; более того, она будет считать это участие необходимым на том простом основании, что самыми лучшими руководителями любого дела являются те лица, которые непосредственно в нем заняты. Кто имел возможность ознакомиться с мнениями управляющих и научных работников какого угодно дела, для того ясно, что эти последние очень быстро становятся совершенно беспомощным орудием в руках своих работодателей. При теперешнем засилии новых денежных баронов научные сотрудники все более и более вытесняются и заменяются такими, которые дают возможность больших прибылей, хотя бы за счет падения качества товаров. Наука уступает свое место рекламе. Необходимость организации промышленности на демократических началах можно доказать простыми доводами здравого рассудка, не прибегая совершенно к помощи нравственных принципов справедливости. Чтобы привести лишь один пример, мы можем указать, что иногда необходимо передать руководство какой-либо фабрикой в руки рабочих, не предоставляя им совершенно участвовать в прибылях, на том простом основании, что только рабочие знают весь процесс производства до мелочей. Приходится признаться,—или лучше сказать, это сознание начинает проникать в умы многих,— что централизованная до крайности система в политике и в промышленности исключает возможность решительного влияния в духе демократии. Централизация всегда ведет к бюрократизму, а этот последний гораздо более противоречит

духу демократии, чем автократия: история современной цивилизации за последние 200 лет достаточно доказала это.

На основании вышеизложенного, за последнее время возникла система организации производства, которая называется общим именем гильдейской. Название это можно считать несколько случайным: оно скорее исторического происхождения, так как раньше существовала форма подобной системы под тем же именем, особенно на протяжении большей части средневековья. Впрочем, идея гильдии повсюду нашла себе практическое выражение и продолжает до сих пор практически осуществляться [1]). Система эта действительно не представляет собой ничего нового, а базируется на некоторых из основных черт человеческой натуры вообще. Сущность идеи гильдизма была понята практиками в различные эпохи и во всех странах и повсюду находила свое практическое осуществление. Только со времени возникновения современного капитализма, и то только в сравнительно недавнем прошлом, черты гильдейского социализма почти совершенно исчезли с лица современной промышленной жизни. Гильдейская теория насчитывает уже сотни лет своего существования, между тем как современная система капитализма, после существования на протяжении очень небольшого числа человеческих поколений, уже проявляет явные признаки разрушения.

Сущность гильдии (все равно, будем ли мы говорить о ее первоначальной или более поздней форме, о первобытной форме деревенской общины, или о сельскохозяйственном кооперативе, или о сложной форме предполагаемых крупных гильдий) заключается в основной и руководящей мысли, что промысловые и торговые единицы являются самой разумной базой организации человеческого общества, между тем как политические и другие единицы обладают только второстепенным значением. Из этой основной мысли само собой вы-

---

[1]) К сожалению, у нас нет здесь возможности подробно останавливаться на существовании теорий гильдий повсюду и во все эпохи. Упомянем толлько вкратце о существовании земельной собственности с правом патримониального суда (agricultural manor), о русском мире, об индийской деревне, об организации африканских племен, о торговых гильдиях Китая, о „коллегиях" Рима, в эпоху республики и в эпоху империи и, наконец, о современных профессиональных союзах врачей и юристов.

текает вторая: эти промысловые единицы должны обладать правом самоуправления с тем только общим ограничением, что все общественные единицы как отдельные личности, так и группы, в конце-концов, подчиняются власти более обширной единицы—государства. Другими словами, лица, работающие в какой-либо отрасли, должны управлять этой отраслью. Могут возразить, что эта система уже осуществляется капитализмом, где фабриканты, купцы или директора различных обществ сами управляют своими собственными делами. Но такого рода возражение извращает понятие слова «управлять». Если бы мы при вопросе об «управлении» должны были считаться только с владельцами, то это было бы столь же разумно, как если бы мы придавали большее значение раздувателю мехов, чем игре самого органиста. Капиталист-собственник по большей части олицетворяет одну сторону дела, а именно—принцип добывания прибыли. В своем положении, как таковой, он непосредственно заинтересован исключительно в том, чтобы продажная стоимость товара превышала его производственную стоимость. Пусть он, кроме того, обладает целым рядом других, менее узких интересов; в качестве директора или владельца он заинтересован исключительно в увеличении прибыли. Как действительный управляющий или член правления какого-либо общества, он является также некоторым образом работником этого общества, но он не представляет собою всего штата рабочих. До того момента, пока остальные сотрудники предприятия не имеют соответствующего права участия в правлении, нельзя сказать, что это предприятие пользуется правом самоуправления. Фабрика, находящаяся исключительно в управлении одного какого-либо господина или некоторого количества директоров, постольку же может быть названа самоуправляющейся, поскольку таким правом пользуется народ при деспотической монархии.

Самоуправление в промышленной жизни, являющееся основной практической идеей гильдейской системы, означает не больше и не меньше того, что подразумевается под этим понятием: а именно—демократическое управление предприятием, основанное на решениях всей группы лиц, занятых в нем. Конечно, необходимо установить разумные ограничения для понятия «всей». Любой прогрессивный политик демократ не будет считать разумным предоставить участие

в общих выборах мальчикам и девочкам 10-ти лет. Не будет поэтому нарушением сущности демократизма, если не закончившие своего образования ученики не будут допущены к голосованию при решении вопросов об управлении данным предприятием. Масса, призванная решать вопросы управления, составляется из всех взрослых работников и вполне обученных мастеровых. Студент медицины навряд ли будет требовать полного участия в голосовании в каком-либо союзе врачей. В качестве единицы промышленной жизни демократическая гильдия, в конце-концов, будет зависеть от решений, принятых голосами всех полноправных членов, занятых в предприятии,—все равно, исполняют ли они простую физическую работу или высококвалифицированную научную. Из этого, конечно, не следует, что каждый, обладающий правом голоса, имеет также право стать управляющим, как нельзя предоставить каждому участнику голосования в парламенте право стать премьером. Занятие высшего поста будет некоторым образом ограничено не только правом возражения большинства остальных голосующих: нормальный человек вообще обладает достаточной долей уравновешенного здравого рассудка. Эта особая черта нормального человека делает вообще возможным существование упорядоченной общественной жизни, для которой требуется лишь небольшое число полицейских, наблюдающих за внешним порядком.

Конечно, и нормальный человек, полноправный член гильдии, не будет лишен недостатков, подобно тому, как и теперешний избиратель не лишен политических недостатков. Но в общем политический избиратель не отдает своего голоса просто шуту. Правда, часто он отдает этот голос мошенникам или вообще неспособным людям, но как-раз скверные последствия такого рода голосования в политических вопросах и дают возможность наглядно доказать существенные преимущества гильдейской системы. В области политики избиратель редко действительно знаком с кандидатом или с теми мероприятиями, которые этот кандидат должен защищать. Избиратель находится в положении неграмотного, выбирающего совершенно незнакомого ему человека. Нечего поэтому удивляться результатам такого рода системы, так как сложение двух нулей может дать только нуль. В гильдии избиратель во всех вопросах внутренней политики гильдии будет в совершенно ином положении.

Предприятие, в котором он работает весь день, не составляет для него неизвестной величины, и, когда вопрос идет о том, чтобы решить, отвечает ли тот или иной член гильдии требованиям, необходимым для занятия должности управляющего делами или мастера, или другого какого-либо ответственного поста, избиратель будет иметь достаточно материала для правильного решения этой задачи. В отличие от политических выборов, гильдейские выборы будут зависеть от лиц, знающих, о чем идет речь, и избирать они будут кандидатов, которые им лично знакомы.

Ведь надо сознаться, что даже при полном осуществлении демократии, народ не призван к тому, чтобы решать детали способов управления, а, главным образом, должен лишь избирать соответствующих людей, которые лучше всего сумеют справиться с данной работой. В идеальном государстве будущего дело управления, может-быть, будет сведено к минимуму, так что погоня за постом и бюрократизм станут карьерой не особенно выгодной. Как бы то ни было, в настоящее время мы вынуждены и в политике, и в промышленности назначать в качестве управляющих таких людей, которые что-нибудь знают и умеют, и мы обязаны, как бы это ни было нам неприятно, слушаться их, когда мы их сами выбрали. Возвращаясь исключительно к области промышленности, можно утверждать, что даже самый крайний демократ не будет требовать, чтобы детали дела предоставлялись непосредственному решению большинства работников, в котором должны принимать участие все рабочие и служащие предприятия. Это было бы очень похоже на то, как если бы мы захотели заставить поэта спрашивать мнения своей кухарки и горничной о ритме своих стихов. В организации промышленности каждый должен исполнять выпадающие на его долю обязанности, и, как в других областях, здесь также необходимо выбрать специальных людей, обладающих правом решений в ограниченной мере. Право существования гильдий на практике будет зависеть от того, окажутся ли они способными существовать в качестве промышленных единиц при демократических выборах своих руководителей. Вопрос этот будет находиться в зависимости от того, окажется ли большинство людей способным отнестись с доверием и слушаться тех, которых они сами избрали на пост мастера или руководителя в своей отрасли труда. Можно

возразить, что такого рода решение вопроса уже практически осуществляется нами в области политики, однако, этот метод решения для политики оказался безуспешным. Народ все-таки не выбирает самых лучших руководителей государства, и поэтому правление ныне никуда не годится. Все это слишком правильно, и в действительности дело обстоит даже хуже, чем мы предполагаем.

Тут мы подходим к самому большому отличию гильдейской системы. Система эта должна изъять большую часть вопросов из области ведения государства и современных политиков и передать ее органам промышленной жизни, что будет гораздо правильнее. Организация промышленной жизни является главной задачей общества; политические вопросы являются только придачей к вопросам созидания ценностей, точно так же, как политика и промышленная деятельность вместе, являются только побочными явлениями жизни в высшей степени многостороннего человеческого духа. В современной политике найдешь очень немного вопросов, имеющих какое-либо отношение к основе вещей. Можно хоть сегодня же совершенно снять с порядка дня целый ряд этих вопросов и назавтра же забыть о них: страна, которая не особенно внимательно относится к политике, даже не заметит такой потери. Возможно даже, что на долю рабочей партии выпадет такая странная обязанность, как задача доказать Вестминстеру, насколько несущественна или даже вредна исполняемая им работа. Как бы то ни было, как бы мы ни поддерживали организацию гильдии путем разумного законодательства (о мероприятиях в этом отношении будем говорить ниже), главнейшая часть организаторской работы должна будет производиться вне парламента. Рабочие должны сами организоваться без посторонней помощи. Нет никакой необходимости ждать какого-либо законодательного шага от парламента: существующие в настоящее время законы дают рабочим довольно большое количество возможностей уже теперь приступить к организации гильдий; нехватает только достаточного стремления со стороны самих рабочих. Тот, кто ждет принудительных законодательных мер, обычно очень скверно исполняет свои обязанности. Нет сомнения, что рабочие не лишены еще энергии и не будут ждать приказов сверху.

Рабочая партия, являющаяся руководительницей всего демо-

кратического движения, обязана вдолбить в голову народу, что капиталисты всегда будут господами до тех пор, пока они будут организовывать промышленность. Нет слов, стачка всегда является геройством, когда она угрожает опасностью голода и безработицы. Но даже, когда бастующие являются победителями и добиваются более высокой заработной платы или сокращения рабочего времени, т.-е. того, за что они бастуют (иногда речь идет только об обратном приеме на работу какого-либо члена профсоюза, уволенного не по закону), после окончания стачки власть все-таки остается в руках владельцев фабрик и копей. В лучшем случае, рабочие имеют возможность диктовать свои условия, в ограниченном, правда, размере, когда гнет капиталистов становится невыносимым; но в повседневной работе хозяин остается хозяином. Кроме того, суть заключается не только в организации процесса труда, из-за которого рабочие навряд ли стали бы бастовать. Ведь при каждом предприятии имеется также и коммерческое отделение, решающее все вопросы о ценах, способах и месте сбыта. Если же бывает, что хозяин совершенно неумело ведет свое предприятие, и ему грозит гибель (подобно тому, как империалисты и их друзья милитаристы своей неправильной политикой ведут Британскую империю к гибели), рабочие в таком случае заботятся только о том, чтобы не лишиться заработка, и не предпринимают ничего больше. Были ли когда-нибудь случаи стачки с целью заставить какую-либо фирму научиться правильным методам хозяйничанья?

Не лишне упомянуть также и о том влиянии, которое окажет на общую массу граждан факт принятия в свои руки в настоящий момент какой-либо дальновидной и разумной группой рабочих производственного предприятия, приносящего владельцу огромные прибыли, если удастся путем понижения цен или улучшения качества товаров доказать, во что обходится стране ростовщик и фабрикант, благодаря своей неспособности и стремлению к наживе. Это было бы самым крупным ударом, вообще возможным против капиталистической системы в целом. Доказать возможность принести выгоды обществу одновременно с преобразованием власти на более демократических началах—вот тот шаг, который может поставить одним взмахом рабочую партию во главе правительства. До того момента, пока рабочие не докажут

своих способностей в этом отношении, они не добьются доверия со стороны всего населения. Когда же эти способности будут достоверно установлены, огромное большинство народа только будет радоваться, если во главе правительства станет труд, а не капитал. Это объясняется прежде всего тем обстоятельством, что средний человек обладает довольно здоровым чувством справедливости; кроме того, девять десятых всего народа заинтересовано в эмансипации труда и ничего не будет иметь против того, чтобы последняя десятая часть была соответствующим образом ограничена в своей борьбе за существование. Для всего этого необходимо на деле дать доказательства своей работоспособности. Пока рабочий класс с фактами в руках не покажет, что он может сделать в области исправления всего нашего общественного строя, постоянное повторение прекрасных принципов и высоких идеалов не окажет должного влияния на нормального человека. Несколько столетий политиканства и ораторства убили вконец наивную веру во всякие учения и принципы, провозглашаемые с высоты ораторских трибун и во множестве политических прокламаций. Все это довело уставших избирателей до того, что они требуют чего-либо более осязательного, чем пустые словопрения, не разбирая, произносятся ли эти красивые фразы капиталистом или вождем рабочих. Небольшая доза действительной и совершенно осязательной практической работы может стать решающей для всякой политической партии, которая сумеет ее произвести.

Как-раз именно рабочая партия может это сделать в данный момент самым лучшим образом. Как-раз теперь избиратели преклонятся пред всяким, кто им даст возможность покупать по более низким ценам и обеспечит их трудовое существование; поэтому партия должна приложить все силы к тому, чтобы организовать промышленную группу, производящую предметы широкого потребления. Почему, например, профсоюзы, хотя бы с помощью кооперации, не купят угольных копей? Это ни в коем случае не превышает денежных средств рабочих, если они объединятся. Если рабочие не в состоянии сами управлять угольными копями, то тогда смело можно утверждать, что рабочий класс вообще неспособен управлять. Конечно, нам могут возразить, что организация собственных копей тоже может быть неудачной в капиталистическом окружении, влияющем разлагающим обра-

зом по существу своему, и что капиталисты примут все меры, чтобы сделать эту попытку неудачной. Но даже, если эта попытка действительно окажется неудачной, она, несомненно, вскроет причины этой неудачи. Когда рабочие в качестве хозяев предприятия, самостоятельно решающих все вопросы его существования, сделают такого рода попытку, то не только они, но и весь мир увидит и поймет, где зарыта собака. Такого рода попытка, например, раз-навсегда установит, согласны ли рабочие платить более высокие заработки и жалованье тем, кто в большей степени способен управлять делом. Такого рода попытка решит также вопрос о том, будут ли рабочие платить дивиденды участникам предприятия (если речь, например, идет об Обществе Оптовых Закупок), дающим предприятию средства и не принимающим деятельного участия в его работе. Одним словом, до того момента, пока рабочие не сделали попытку сами управлять производственными предприятиями, они сами не будут знать, чего они желают, а все остальное население, конечно, будет знать не больше.

У нас существуют кооперативы, которые могут получить в свое распоряжение большие средства, если серьезно захотят этого. Если они действительно верны тем принципам, которые они провозглашают, то теперь именно пора попытаться в широких размерах построить промышленные предприятия на демократических началах. Рабочая партия обязана поддержать такого рода попытку, мобилизовав для этого весь свой политический и профессиональный аппарат. Если правильно, что мир существует для рабочих, а не для капиталистов, то необходимо привести, по крайней мере, одно доказательство в пользу того, что можно обойтись без этих последних. И эта попытка должна быть проведена до конца. Половинчатые меры не приведут к цели. Эти меры обычно приводят к тому, что большинство кооперативов во многих отношениях мало чем отличаются от капиталистических фирм. Так, например, Общество Оптовых Закупок у себя даже не ввело системы участия рабочих в прибылях. Попытка, о которой здесь говорится, должна базироваться на принципе «каждому право голоса» для всех рабочих предприятия, фабрики, копи или постройки. Принцип, согласно которому распределяются заработки и прибыли, должен быть установлен по общему соглашению. Этим демократическим путем

должен решаться и вопрос о том, получает ли мастер или управляющий больший процент прибылей, чем обычный рабочий. Выборы управляющих и чиновников в конечном счете тоже должны производиться общим собранием всех членов с правом решающего голоса. Конечно, собрание вправе также поручить набор сотрудников избранному им же управляющему. Поскольку можно судить, теперешнее настроение рабочих наверное будет склонно признать за избранными чиновниками право получать более высокие оклады или больший процент участия в прибылях—в демократическом предприятии эти два понятия будут совпадать. Не надо забывать, что попытка эта делается при таком общественном строе, который работает исключительно для прибыли. Нет никакой надобности ссылаться при этих попытках на какие-либо высшие нравственные начала, которые когда-то должны восторжествовать, при чем срока нельзя установить. Требовать от современного среднего человека, чтобы он работал из-за каких-либо общественных принципов, столь же разумно, как требовать от ребенка, не научившегося еще ходить, участия в олимпийском беге. Слабые люди теперь работают из-за заработка, да мы и не уверены в том, что принцип вознаграждения за труд является противообщественным и ненужным принципом. Конечно, мы не отказываемся от проповеди высшей морали, но когда мы делаем попытки преобразования общества теперь, то мы должны считаться с людьми таковыми, каковы они есть. Идеалистом является тот, кто думает о будущем. Тот, кто не считается с настоящим, может быть назван сентиментальным.

Вопрос об уплате процентов за кредит тоже поставит нас перед новой проблемой. Если кредит будет предоставлен учреждениями вне гильдии, то при теперешних обстоятельствах необходимо будет платить за него проценты. В таких случаях проценты будут уплачиваться по определенному и установленному правилу, при чем кредитор не будет иметь никакого участия в общих прибылях предприятий; равным образом кредитор не будет пользоваться никаким правом голоса внутри гильдии. Роль кредиторов будет совпадать с ролью акционеров в теперешних акционерных обществах. Если же капитал будет собственностью кооператива или гильдейского общества, или же, наконец, составляющих это общество отдельных лиц, то вполне разумно будет предположить,

что эти работающие кредиторы имеют право требовать, по крайней мере, обычный общепринятый процент на капитал.

Если бы гильдия была вынуждена обратиться за капиталом на сторону, то погасить долг она могла бы только из собственных средств, а это возможно только из тех средств, которые обычно уплачиваются членам гильдии в качестве заработной платы. Члены же гильдии, конечно, будут убеждены, что купленные на их заработную плату паи должны быть предоставлены им же самим. Таким образом и на эти паи опять придется платить проценты. Если же, однако, эти закупленные паи останутся в руках гильдии в целом, что надо признать самым правильным, то этот коммерческий прием на практике приведет к погашению всего основного долга. Это, в свою очередь, будет иметь последствием то обстоятельство, что для общих нужд останется гораздо большая сумма в распоряжении гильдии и что заработки тоже подымутся. Вся эта система предусматривается новым французским законом 1917 года.

Здесь не место говорить о проблеме уплаты процентов на капитал. Но вся эта проблема не так проста и ясна, как воображают себе некоторые горячие головы в моменты увлечения. В настоящий момент положение таково, что и наемный рабочий будет требовать уплаты процентов, если он, вместо того, чтобы тратить деньги на приобретение предметов роскоши, поместит свои сбережения в качестве капитала. Вполне возможно, что даже в гильдейском государстве представится необходимость заинтересовать граждан в том, чтобы они не тратили все заработки на покрытие личных потребностей, а, наоборот, сохраняли часть этих заработков в целях накопления капиталов. Можно было бы на это возразить, что хорошо управляемая гильдия не будет делить в виде прибыли то, что должно пойти на амортизацию и на расширение производства в будущем. Но нельзя забывать, что гильдии будут находиться в руках демократического большинства своих членов. Слабость же натуры человеческой легко может привести к тому, что даже последний грош будет выплачен в качестве заработков. Другими словами, вполне возможно, что будет необходимо некоторое время еще проповедывать бережливость, а средством к этой бережливости может служить процент на предоставленный в

кредит капитал. Само собой разумеется, что будет установлено большое различие между процентами на сбережения капиталиста, на которые он потерял всякое моральное право, и тем случаем, когда проценты будут уплачены за деньги, заработанные действительно личным трудом того или иного рабочего. Как большинство других проблем, и этот вопрос об уплате процентов, по всей вероятности, будет разрешен в духе практической целесообразности, а не полностью по соображениям логики или теории. Во всяком случае ясно одно. Ни одна разумно управляемая гильдия не будет платить процентов на капитал, полученный от вне ее стоящих кредиторов, если она сумеет получить эти средства не путем кредита. Если средства эти будут получаться из внутрених источников, гильдия будет иметь право сама установить те условия, на которых эти средства должны быть ей предоставлены: или она будет включать в капитал необходимые суммы до распределения прибылей, или же она будет уплачивать их членам гильдии по мере накопления сбережений, при чем ей самой предоставляется решить вопрос об определении высоты этих сбережений, принимая в то же время в расчет высоту заработной платы. Закон о налоге на наследство легко сумеет помешать накоплению капитала в паях, который может стать обременительным для будущих поколений. Но все это вопросы, касающиеся, главным образом, финансов.

Вот в чем в общих чертах заключается идея о том, что рабочие должны постараться доказать, что они сами умеют организовать промышленную деятельность без помощи капиталистических финансистов. В данный момент необходимо установить тот путь, которым должна итти рабочая партия, в качестве вожака всего рабочего мира. Практическая организация и управление такого рода предприятием, само собой разумеется, должны находиться в руках людей, работающих в мастерских, в руках членов профессиональных союзов, практиков-кооператоров и лиц, сведущих в данной отрасли производства. Рабочая же партия могла бы предоставить этим элементам в мастерских и кооперативах большие возможности приступить к делу. Если бы рабочая партия предприняла в этом смысле поход, то нет никакого сомнения, что можно было бы легко найти все необходимые денежные средства, а, благодаря широкой пропаганде, партия могла бы убедить рабочие организации в абсолютной необходимости

произвести такого рода попытку. Но есть еще одна сторона дела, в которой помощь парламентской рабочей партии может оказать почти решающее влияние: партия должна взять на себя проведение всех законодательных мероприятий, необходимых для того, чтобы обеспечить для этого плана самые благоприятные условия осуществления.

Вполне возможно, что рабочая гильдия, о которой здесь идет речь, будет юридически зарегистрирована на основании действующих теперь в обществе законов. Эти общие законодательные принципы нисколько не мешают тому, чтобы обычное производственное предприятие избирало своих чиновников большинством голосов работающих в нем и подчиняло их, таким образом, гильдейским принципам демократической исполнительной власти. Точно так же возможно распределение прибылей всякого рода между рабочими предприятия на основании соглашения большинства. Наконец, возможно также и теперь уже ограничить высоту процентов на все полученные в кредит капиталы определенной нормой, зафиксированной в договоре общества. Но нет сомнения и в том, что затруднения возникнут, когда придется приспособить законодательные нормы, существующие для защиты ничего не делающих пайщиков-капиталистов, к потребностям участвующих своим трудом в работе пайщиков. В гильдейском государстве необходимо будет создать новый кодекс законов, который заменит существующий теперь свод законов капиталистического государства. Рабочая партия обязана будет всеми мерами провести этот новый кодекс в палатах парламента. Новое гильдейское законодательство подвергнется обсуждению в особой главе. Наравне с этим вопросом о новых законодательных мероприятиях, первейшая и еще более важная обязанность партии будет состоять в том, чтобы заставить различные отрасли государственного управления (казначейство, министерство торговли, министерство труда, министерство здравоохранения) оказать новому плану рабочих гильдий всяческую поддержку. Эта поддержка, по всей вероятности и решит вопрос о том, окажутся ли первые попытки удачными или неудачными. И поддержка эта не будет оказана, если в палате общин не будет заседать сильная рабочая партия.

Раньше, чем перейти к обрисовке в общих чертах гильдейского общественного права, которое поможет превраще-

нию теперешней капиталистической системы (минуя период всеразрушающего хаоса) в систему демократическую, где вся промышленная деятельность народа будет урегулирована и будет вестись в интересах всего общества вместо того, чтобы быть направленной, как в настоящее время, в интересах одного только класса богачей, автор хотел бы указать читателю и на другие формы такого перехода, разработанные майором Дугласом и зафиксированные в его статьях в «Новом Веке». Трудно передать подробности этих предположений: необходимо лично ознакомиться с тем, что написано автором в различных книгах и статьях, где он с огромным запасом знаний разбирает эти вопросы; статьи эти могут в будущем создать целую эпоху в области экономических наук и государственного управления. Вопрос о том, явятся ли предлагаемые автором промышленно-кредитные банки действительно целесообразными при переходе от капитализма к демократии, может быть решен только путем практического опыта, точно так же, как только практика сумеет оправдать учение о гильдейском общественном праве, о чем мы будем говорить в следующей главе. Как бы то ни было майор Дуглас и журнал «Новый Век» совершили в области изучения экономического строительства общества огромную работу, не говоря уже о практических выводах этой работы, показав, как современное развитие общества заменило капиталиста-производственника и торговца еще более властным капиталистом-финансистом, обладающим всем аппаратом финансового кредита, подобно тому, как прежние фабричные бароны в эпоху «промышленной революции» обладали всем техническим аппаратом производства. Но этот вопрос требует тщательного изучения на основании того, что было изложено в «Новом Веке» и в обеих книгах Дугласа «Экономическая демократия» и «Власть кредита и демократия».

Глава пятая

ГИЛЬДЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Если признать, что организация промышленной деятельности, а не только область политики является одной из главных задач рабочего класса, если признать далее, что гильдия является самой целесообразной формой, в которую может вылиться эта организация, то из этого вытекает, что рабочая партия в первую голову должна позаботиться о проведении всех новых законодательных мероприятий, которые станут необходимыми для построения этих гильдий. Как уже упомянуто выше, нет абсолютно никакой необходимости ждать новых законов. Кооперация доказала в достаточной степени, что при тех законах, которые у нас существуют, можно сделать очень много. Оставляя в стороне кооперативное движение и кооперативное законодательство, можно утверждать, что существующее общественное право в широкой степени обеспечивает правовое существование гильдий. Но как кооперативы, организованные на основе закона о промышленных обществах (Industrial Societies Act), так и гильдии, организованные на основании закона об обществах (Companies Act), будут беспомощными промышленными единицами в будущем идеальном государстве. Поэтому-то нужно создать новый закон, который будет более приспособлен к непосредственным целям, преследуемым гильдией.

Закон о гильдейских обществах должен содержать три или четыре главных раздела, которые должны помочь осуществлению на практике трех или четырех главнейших принципов, лежащих в основании идеи гильдейского социализма. Эти принципы и составят основу предполагаемого закона, все остальное будет более или менее второстепенным. Каждая

промышленная единица, стремящаяся к форме гильдии и желающая пользоваться защитой закона, должна будет подчиняться следующим основным принципам.

1. Самоуправление на демократических принципах

Главной практической основой гильдии является то обстоятельство, что она представляет собой единицу самоуправляющуюся. Она будет управлять сама собой в полном смысле этого слова и в то же время будет теснейшим образом связана с общими интересами всего общества в целом. Чтобы обеспечить за собой этот главный принцип самоуправления, каждая гильдия в своем общественном договоре (т.-е. в своем уставе) должна будет установить то положение, что каждый полноправный член ее штата работников, без различия, будет ли он рабочим мускульного труда или служащим, техником или управляющим делами, обладает правом голоса, и правом только одного голоса, в общем собрании, являющемся высшей инстанцией общества. Такого рода положение установит принцип «каждому только один голос» в качестве основы гильдейской демократии. Само собой разумеется, члены гильдии будут в праве передавать свои полномочия каким им угодно способом, кому им заблагорассудится. Они смогут, если сочтут это нужным, облечь одного кого-либо неограниченным правом самодержца, сумеют разрешить ему управлять обществом подобно капиталистическому владельцу старой системы. Если они найдут, что самодержавие принесет гильдии больше практической пользы, чем система непосредственного решения каждого вопроса всеобщим голосованием, то они, как люди практики и земли, по всей вероятности, предпочтут спокойно жить при условиях автократии, чем прозябать при условиях демократии. Но этот вопрос должен быть предоставлен свободному решению всей гильдии. Закон должен определенно установить, что то или иное решение гильдии не является обязательным для участников будущего очередного годового собрания членов, точно так же, как никакое решение политических избирателей не может помешать тому, чтобы при следующих выборах было принято как-раз противоположное решение. Если мы стремимся к решению вопроса о власти в духе полной демократии, будет гораздо лучше сделать это самым основа-

тельным образом без всякого притворства и обходов. Самым лучшим путем в этом отношении будет, по всей вероятности, предоставление наивысшей власти годовому собранию по принципу «каждому только один голос». Это право должно быть ограничено таким образом, что гильдии предоставляется возможность заключать договоры на целый ряд лет. Может оказаться, например, целесообразным разрешить гильдии принять на службу ценного для нее человека сроком на пять или десять лет. Само собой разумеется, что все договоры, заключенные гильдией с другими обществами или клиентами, будут подчиняться общепринятому договорному праву данной страны, так как это договорное право ни в чем не мешает принципам самоопределения.

2. Ограничение процентов на капитал

Определив содержание демократического принципа «каждому только один голос», законодательство должно будет перейти к следующей мере—к охране работающих членов гильдий против требований нетрудящихся, ограничивая размер процентов на капитал, ссуженный в кредит, определенной нормой. До сих пор, при существующем законодательстве об акционерных обществах, акционеры, предоставляющие в распоряжение общества свои капиталы, получают всю прибыль, остающуюся за вычетом заработной платы и других расходов. Эти акционеры в громадном большинстве случаев являются людьми, не работающими для общества и получающими очень часто большую часть прибыли. Акционерное общество является организацией для защиты интересов нетрудящихся акционеров, между тем как трудящиеся члены общества работают за определенное месячное или еженедельное вознаграждение в качестве слуг, не получая ничего от полученной обществом прибыли. Предприятие может оказаться просто кладом, но рабочих интересует в нем только вопрос, как долго они будут находить в нем работу.

Эти ограничения для капитала могут принять самые различные формы. Можно было бы, например, законом запретить всем зарегистрированным гильдиям платить больше пяти процентов на предоставленный им кредит, подобно тому, как это делают кооперативы. Или же можно было бы раз-

решить, например, установить процентную норму на более широких основаниях: скажем, закон мог бы установить, что процент на кредитный капитал не должен превышать нормального среднего процента банковского учета или что-нибудь в этом роде. Однако, как бы то ни было, будет ли составлять твердый процент пять со ста или немного больше, устав Общества должен содержать определенное ограничение, согласно которому владелец пая является лицом только отчасти заинтересованным в предприятии, в то время, когда вся остальная прибыль идет в пользу работающих членов гильдии. В акционерных обществах дело обстоит как-раз наоборот: заинтересованность рабочих в предприятии ограничивается высотой заработка, между тем, как владельцы паев получают всю остальную прибыль.

Само собой разумеется, что идеалисты, обычно слишком много говорящие для того, чтобы не иметь времени думать, поднимут гвалт против этого предательского предложения, согласно которому владельцы паев, капиталисты, не работающие совсем, все еще будут получать проценты на свой капитал. Но эти идеалисты в своем увлечении забывают о том, что ни одна гильдия не будет пользоваться чужими капиталами, если она сумеет приступить к работе без кредита. Идеалист, обычно человек, придающий огромное значение словам, по всей вероятности, возразит, что гораздо лучше приступить к захвату власти в промышленной жизни лишь тогда, когда можно будет совершенно обойтись без капиталистов. Но всякому ясно, что именно в промышленной жизни следование советам идеалистов, по всей вероятности, привело бы к тому, что капиталисты еще надолго избегли бы предстоящей им неминуемой судьбы. Настаивая на том, чтобы не предпринимать ничего до тех пор, пока нельзя будет добиться сразу всего, некоторые из этих воинствующих вождей только задержали наступление кадров рабочего класса, которые, вне всякого сомнения, заняли бы место капиталистов. Совершенно правильно отказаться от бесполезных уступок: полумеры обычно вообще ни к чему не ведут. Но нельзя отказаться платить проценты на полученный кредит, когда на других условиях теперь, по всей вероятности, вообще нельзя получить денег. Отсутствие же капиталов не даст возможности демократическим гильдиям приступить к организации собственных предприятий; отказ от

помощи капиталистов является не защитой каких-либо принципов, а скорее неразумным игнорированием того, что может принести сейчас пользу. Если капиталисты готовы предоставить средства, чтобы помочь рабочему классу стать хозяином положения, тем лучше для рабочих. Если рабочие добьются определенных успехов, то они в очень скором времени будут господами капитала.

Самой целесообразной формой получения кредитов, без сомнения, была бы форма долговых записей, как это обычно делается теперь на основе твердо установленных процентов или с обеспечением под ипотеку на имущество общества. Владелец такого рода долгового обязательства был бы не владельцем пая; внутри гильдии он не пользовался бы правом голоса, а являлся бы исключительно лицом, предоставившим свои капиталы под известное обеспечение, без всякого права вмешиваться в дела предприятия; другими словами— лицом, имеющим право только требовать проценты и обеспечения вложенного капитала. Гильдия будет иметь право вернуть ему деньги, когда более не будет нуждаться в них, конечно, заблаговременно заявив ему об этом, о чем необходимо было бы оговорить в уставе общества. Таким образом, не работающие участники предприятия были бы владельцами долговых обязательств без всякого права вмешательства в управление им, которым пользуются теперь акционеры капиталистического общества, ибо эти капиталисты-акционеры обычно состоят владельцами и руководителями акционерных обществ. Здесь же капиталисты будут только лицами, дающими деньги гильдиям, если последние к ним обратятся, и пока они будут регулярно получать свои проценты, они не смогут никоим образом вмешиваться в дела гильдии. Может быть, придется установить особые правила для тех случаев, когда капиталы будут предоставляться такими организациями, как Общество Оптовых Закупок или профессиональные союзы (как только закон установит, что последние имеют право использовать в этом отношении свои свободные средства). Может-быть, будет небесполезным создать стимулы для поддержки такого рода дружественных взаимоотношений между названными организациями, предоставляя, например, кооперации или профсоюзам право голоса пропорционально той сумме, которая будет предоставлена ими в распоряжение гильдии. Тогда организации эти

формально будут являться неработающими участниками гильдии, и придется, по всей вероятности, как-нибудь, путем специальных оговорок, сохранить главный принцип самоуправления работающих членов гильдий. Нам кажется, что небольшое изменение общих правовых норм для предоставления более легкой возможности сотрудничества между рабочими союзами и производственными предприятиями, организацией которых будут ведать гильдии, вполне допустимо.

3. Ограничение прибылей

В первых двух параграфах мы показали, как предполагаемый закон о гильдиях должен охранять интересы рабочих, предоставляя каждому рабочему равные права в общем собрании, которое в конечном счете будет управлять делами гильдии. Далее мы показали, как строго необходимо ограничить интересы неработающих пайщиков, если таковые вообще будут. Остается теперь обратить внимание на третий, главный фактор в промышленной жизни страны, на интересы всего общества в целом. Этот закон о гильдиях должным образом защитит интересы рабочих. Какие же уступки рабочие готовы сделать обществу, оказывающему им такого рода защиту и поддержку?

Нам кажется, что взамен той уступки со стороны общества, которая заключается в законном признании требований рабочего класса стать господствующим фактором промышленной жизни на место капитала, рабочие должны выразить согласие поставить вопрос о ценах на производимые ими предметы под определенный контроль со стороны всего общества. Иначе члены этого общества в целом могли бы притти к заключению, что они только заменили одних господ другими, помогая рабочим гильдиям стать на ноги. Какие ограничения заставят рабочие гильдии отказаться от стремления к слишком большим прибылям, которые получали капиталистические предприятия? Как-раз в этом вопросе рабочий класс мог бы осуществить один из решающих принципов в правовой и общественной жизни (правильнее было бы сказать—восстановить этот принцип). Рабочий класс должен был бы заявить, что средневековая идея «справедливой цены» является необходимой частью всякого ци-

вилизованного общества. Каждый торговец или производитель в праве требовать за свои товары определенную цену, значительное превышение этой установленной цены является столь же тяжким преступлением против общества, как кража курицы или убийство своего соседа. Преступление, известное под именем ростовщичества, теперь практикуется в самых широких размерах, дальше итти в этом отношении некуда. Между тем, одной из самых странных бессмысленностей теперешнего капиталистического строя является то обстоятельство, что это самое тяжкое из всех преступлений против общества почти совершенно не предусматривается нашим уголовным законодательством. Гораздо менее вредные поступки наказываются довольно строго, спекуляция же, приносящая вред большинству населения, очень часто остается безнаказанной.

Будет нетрудно включить в предполагаемое законодательство о гильдейских обществах параграф, согласно которому каждая гильдия, пользующаяся защитой законов данной страны, обязана представлять свои цены на утверждение общественного суда. Самый простой способ состоял бы в том, что гильдия заранее публикует свои цены; если кто-либо сочтет эти цены несправедливыми, то решение предоставляется специальному суду. Эта постоянная угроза со стороны суда, по всей вероятности, приведет к тому, что гильдии только в очень редких случаях будут назначать такие цены, которые вызовут нарекания со стороны общества. Аппарат судов будет довольно прост и, возможно, окажется совершенно излишним.

Но за этим вопросом скрывается другая, гораздо более серьезная проблема. Какая цена может быть названа справедливой? Если хорошенько присмотреться к этому вопросу, то он, может-быть, окажется гораздо проще, чем он кажется на первый взгляд. Как только мы сумеем определить себестоимость товара, мы очень приблизимся к разрешению данного вопроса. А вопрос о себестоимости—проблема, которая в настоящее время более или менее правильно решается в повседневной промышленной жизни. Проблема эта является задачей технических экспертов, фабрикантов, инженеров и управляющих. Таким образом, когда вопрос о себестоимости будет разрешен, дальнейшая задача ляжет на обязанности судей. Когда нам будет известно, во что обошлось какому-

нибудь отдельному лицу, обществу или гильдии производство данного предмета, цена для покупателя этого предмета будет состоять из суммы себестоимости плюс сумма, которая даст производителю соответственную прибыль. При решении этой проблемы играют роль самые разнообразные абстрактные философские вопросы. Тот человек, который сумеет правильно решить вопрос о справедливой цене, может быть смело назван «идеалом справедливости». Нам кажется, однако, что еще до осуществления этого идеала непредубежденного беспартийного судьи суд присяжных из здравомыслящих англичан тоже сумеет более или менее правильно решить этот вопрос.

На практике вопрос, по всей вероятности, решится следующим образом. Данная отрасль промышленности через свои союзы (например, через свои профсоюзы, через посредство общего совета гильдий данной отрасли промышленности) опубликовывает цену, которую она считает разумной. Список цен доводится до сведения всего населения. Если никто против них не протестует, список этот передается на утверждение какому-либо общественному органу (например, избранному совету общины, совету провинции), который его регистрирует. Если же кто-либо заявляет протест против этой регистрации, протест передается в ведение суда по ценам, занимающего в промышленной жизни место апелляционного суда в нашем судопроизводстве. Суд этот мог бы быть образован приблизительно так же, как избираются судьи в настоящее время, т.-е. назначением короля и государства; в данном случае последнее могло бы поручить это назначение торговым палатам. Суд должен был бы считаться высшим и состоять из людей вне всякого подозрения, избираться из таких лиц, которые способны правильно судить о положении вещей. Сторонами в данном вопросе были бы, с одной стороны, участвующие гильдии или производители, с другой стороны, заявившие протест отдельные лица или же, что вероятнее всего, общественные органы, являющиеся представителями потребителей, как, например, советники общин. Было бы еще несвоевременным теперь установить норму, определяющую в точности форму калькуляции цен. Но если мы тем или другим способом не сумеем добиться этих норм, то придется действительно признаться, что все

преподаватели экономических наук стоят накануне духовного банкротства [1]).

При помощи такого рода законодательства о гильдиях имеется возможность преобразовать всю хозяйственную жизнь на более справедливых и более здоровых основах, не прибегая к хаотическому нарушению общественной жизни. Это, по всей вероятности, даст повод агитаторам и горячим головам, которые могут завоевать себе положение только в эпоху анархии, заявить себя противниками этого законодательства. Революция приносит счастье только авантюристам, каждое мирное преобразование общества мешает им добиться своих личных выгод. Конечно, мы не отрицаем, что среди этих горячих голов имеется много в высшей степени честных людей, лишенных всякого стремления к эгоистическим выгодам; единственная слабость их состоит в том, что, обладая сильными эмоциями, они недостаточно награждены разумом, чтобы придумать практически осуществимую систему

---

1) Небезынтересно отметить, что эта система общественного определения цен явится прекрасной и весьма полезной базой для политики цен вообще, в случае, например, если общество решит, что тот или другой продукт производства должен продаваться по цене ниже себестоимости, чтобы облегчить положение малоимущих классов. Если, например, будет решено, что молоко должно продаваться по очень низкой цене, то государство или даже община, установив действительную себестоимость молока, в случае надобности, назначит цену ниже себестоимости и даст гильдии субсидию, покрывая разницу в цене из государственных или общинных средств. Школа, например, должна быть совершенно бесплатна для всего общества. Другими словами, государство, община или провинциальный совет должны были бы взять на себя все расходы по содержанию гильдии учителей, уплачивая этой гильдии определенные суммы, соответствующие тем услугам, которые она оказывает обществу. Это было бы аналогично идеям, которым в настоящее время следуют уже в области просвещения, городских трамваев и электрического освещения. Разница будет состоять только в том, что вопрос о вознаграждении должен быть регулирован таким образом, чтобы доходы заинтересованных гильдий росли по мере успешности и углубления их работы. Необходимо найти путь, который помог бы побороть отсутствие личной заинтересованности производителя, в настоящее время роковым образом отражающееся на процветании общественных предприятий. Каждый кондуктор трамвая должен понять и знать, что если он сделает поездку в своем вагоне возможно более приятной, обращаясь по мере возможности самым вежливым образом с пассажирами и предоставляя им наибольшей удобства, это принесет ему также личную выгоду.

преобразования общества. Так как они не в состоянии построить систему порядка, они вынуждены кидаться с головой в хаос анархии, надеясь, что из этого хаоса выйдет что-либо положительное. Они, например, надеются, что революция уничтожит капиталистов. Но они слишком мало знакомы с историей, и поэтому они не знают, что главнейшим результатом революции всегда было то, что авантюристы становились у власти, а народ падал еще ниже. Французская революция, например, уничтожила аристократию, но помогла плутократии, которая была еще хуже. Первая гражданская война при Стюартах сняла голову с Карла, но позволила поднять головы королевским купцам в Лондоне и бандам развращенных политиков во время реставрации. Второе восстание при Стюартах в 1688 году на целых сто лет установило господство аристократов из среды вигов.

Система гильдий представляет собой разумную возможность вывести рабочий класс на тот путь, на котором он сумеет стать своим собственным господином. Эта система лишит общество ненужного соперничества, так как она послужит на пользу также и трудящимся средним классам наравне с работниками физического труда, а вся индустриальная система не может существовать без помощи образованных руководителей и научных сотрудников. Наконец, и более мыслящие капиталисты тоже предпочтут получать умеренные, но постоянные проценты на свои капиталы при гильдейской системе, чем потерять все при господстве анархии. Нужно понять также, что рабочие далеко не получают всего того, чего лишаются капиталисты, так как в период хаоса и разрушения общество в целом теряет очень много ценностей. Революция в Вене заставила голодать и бедняков, и богачей; и русские, и немцы должны были удовлетвориться очень незначительными пайками. При помощи гильдейской системы строительства целые отрасли промышленной жизни могли бы стать на ноги, не дожидаясь того дня, когда все будет готово для образования идеального государства. Разумные люди знают, что день этот столь же мифичен, как и день страшного суда. Действительные мудрецы стремятся не к полному совершенству, а к возможному.

Во всех этих стремлениях рабочий класс, как уже указано было выше, должен итти рука-об-руку с кооперативным движением, вступившим уже теперь на путь прогресса, по-

сколько оно занялось также и промышленной деятельностью, вместо того, чтобы итти по пути политики. Будет сравнительно нетрудно преобразовать существующие теперь акционерные общества в гильдейские, так как не будет необходимости перевернуть все вверх ногами, что неизбежно при организации социалистического государства. Организация этого последнего, сводящаяся к устранению конкуренции одним взмахом, для своего осуществления нуждается в совершенно новом нравственном понимании. Было бы наивным утверждать, что по истечении столетий капиталистического принуждения средний рабочий (мускульного ли труда, или член средних классов) тотчас же без принуждения и без стимула предоставит государству все, что он может. В течение целого поколения (а может-быть, и всегда) мы будем нуждаться в разумных стимулах к конкуренции, чтобы добиться от каждого члена общества максимума работоспособности. Гильдейская система, урегулированная законами, которые предписывают установление справедливых цен, кажется нам наиболее осуществимым планом, доступным пониманию всех лиц мужского и женского пола. Это будет система здоровой конкуренции, вместо теперешней безумствующей системы полной свободы в достижении личных выгод. Из дальнейшего мы увидим, что эта сохраняемая нами конкуренция между гильдиями по необходимости примет здоровые формы. Если будет установлена нормированная законом наивысшая цена, то одна гильдия сумеет побить другую только путем изготовления товаров лучшего качества или же путем увеличения своих прибылей при помощи усовершенствованных методов производства. Поэтому сами гильдии будут заинтересованы в том, чтобы иметь в своем распоряжении самых лучших управляющих и научных специалистов, предоставляя этим последним наивозможно большее право участия в прибылях в виде соответствующего вознаграждения. Эти специалисты ни в коем случае не будут устранены, когда рабочие станут у власти. Они, по всей вероятности, будут поставлены в лучшие и более справедливые условия, чем при системе капитализма, которая могла существовать только при помощи одинакового нажима на рабочих и на специалистов в целях наживы. Гильдия не будет иметь на своей спине миллионера или множество акционеров, прикарманивающих большую часть прибылей.

Поэтому она будет в состоянии дать гораздо больше всем тем, которые помогут развивать предприятие. Так как не будет далее возможности накоплять огромные состояния, то исчезнет также и опасность, что кто-либо сосредоточит в своих руках такие громадные капиталы, которые дадут ему возможность монополизировать ту или другую отрасль. По мере укрепления системы гильдий поддерживаемая в порядке законодательства идея «справедливой цены» постепенно станет составной частью нравственных законов. Тогда жадное стремление к прибылям со стороны отдельного человека покажется столь же несуразным, как теперь несуразным кажется узаконение грабежа и убийства. Тут мы опять подходим к основной и априорной идее, что законы и обычаи общества являются выражением нравственных законов и принципов, и что законодательство и управление являются скорее результатом, чем предпосылкой высшей нравственности.

Глава шестая

КООПЕРАЦИЯ

Политики и газетные писаки быстро решают, что главная масса армии труда находится в лагере Вестминстера и его различных отделений в политическом мире. Вопрос этот нуждается в новом пересмотре. Вполне возможно, что даже в случае, если рабочая партия окажется стоящей в центре всей работы, на долю кооперативного движения выпадет гораздо более значительная роль, чем та, которая признается за ней формально, и что роль эта будет расти все больше. Деятельность кооперации, по нашему мнению, гораздо ближе подходит к сути вопроса, чем полагают теоретики и политики рабочего класса. Кооперативное движение обогатило программу рабочего класса рядом важных и весьма жизненных идей. Но что еще важнее идей, — оно обогатило рабочий класс весьма существенными фактами. Краткости ради, мы здесь перечислим эти факты в очень сжатой форме, снабдив это перечисление самым ограниченным количеством объяснений. По кооперативному вопросу имеется огромная литература. Все, что мы попытаемся здесь сделать, это показать, как связать кооперацию с общим рабочим движением. То, чем обогатило кооперативное движение весь рабочий класс, в главных чертах сводится к следующему.

1. Кооперация создала в области промышленности и торговли огромную организацию как по производству товаров, так и по сбыту их в мелкой торговле, и показала таким образом рабочим, что есть еще кроме политики области, которыми стоит заниматься. Этот факт огромного значения является сущностью кооперативной работы. Если рабочая партия была занята проблемами распределения имуществ, то кооперация поставила своей задачей работу, заключаю-

щуюся в производстве и распределении производимых благ. Кооперация поняла, что для рабочих самое лучшее, может-быть, средство помешать капиталистам накоплять слишком много прибылей, заключается в том, чтобы взять в свои собственные руки производство предметов, в которых этот класс нуждается. Юное гильдейское движение в значительной степени является дальнейшим развитием научных идей кооперации.

2. Кооперация научила рабочий класс, что работа в области производства может вестись без помощи капиталистов и что работа эта может быть произведена с невероятно малыми капиталами. Кооперация доказала, что необходимый для дела капитал можно собрать в виде небольших взносов от большого количества небогатых людей. Но что еще, может-быть, важнее, это то обстоятельство, что, благодаря кооперации, мы узнали, как найти среди рабочих лиц, обладающих специальными способностями, людей из среды индустриальных баронов и не требующих за это в качестве вознаграждения огромных привилегий. Другими словами, кооперативное движение доказало, что рабочий класс сам может доставить капитал и людей, умеющих справляться с этим капиталом. Большая часть индустриальных баронов выходила из рядов рабочего класса. Но, в виду того, что эти выходцы из рабочего класса имели в виду свои собственные выгоды, вместо того, чтобы работать для кооперации, дававшей им только небольшое участие в прибылях, эти бароны представляют дезертиров рабочей армии, перебежавших на враждебную сторону из-за приманки крупного вознаграждения. Кооперативное движение доказало, что каждый средний человек может стать крупным организатором, не превращаясь в то же время в крупного спекулянта или ростовщика.

3. Всю свою работу кооперативное движение проводило и проводит без помощи каких-либо особых законов. Кооперация исходила от существующего капиталистического правового порядка и на основе этого порядка боролась за равноправие. Кооперация доказала, таким образом, что можно сделать очень многое, не дожидаясь новых законов. Единственное преимущество, которого могло добиться кооперативное движение от парламента капиталистов, состоит в скромном законе о промысловых товариществах (Industrial

Societies Act), дающем возможность мелким собственникам защищаться путем объединения своих усилий.

4. Придавая большое значение местной самопомощи, нашедшей свое выражение во множестве децентрализованных мест мелкой продажи, которые могут развиваться только при личной инициативе каждого отдельного управляющего, кооперация тем самым наглядно показывает значение и преимущества личной организации в небольших размерах, в противовес деятельности сверху при помощи централизованной бюрократии. Общества Оптовых Закупок играют решительную роль в движении, но в то же самое время общества эти благоразумно считаются с тем обстоятельством, что с ослаблением личной инициативы в мелких организациях провалится также и крупная организация. Служащие крупных кооперативных объединений сумели сохранить единство и организацию этих союзов, не переходя, однако, за границу, которая повела бы эти организации в область тяжеловесной тупой автократии, поработила бы дух и лишила бы личную предприимчивость всяких стимулов.

5. Благодаря удачной системе дивидендов кооперация сумела найти весьма полезный путь, который дает возможность распределить прибыль небольшого торгового предприятия между всеми участниками его. Эта система в действительности разрешила весьма сложные хозяйственные задачи, правда, в ограниченных размерах. Если бы система эта обратила столь же большое внимание на область производства, какое она обращает на область сбыта, то она, возможно, разрешила бы еще ряд таких же сложных задач. Если, например, эта система была бы принята в качестве базы каким-нибудь производственным товариществом или гильдией, которая распределяла бы прибыли не на основе закупок отдельных клиентов, а на основе заработной платы рабочих, то мы этим путем весьма простым образом решили бы вопрос о распределении прибылей между всеми сотрудниками данного предприятия, базируясь на степени производительности каждого из участников.

6. Строго ограничивая высоту процентов на капитал неработающих пайщиков предприятия, кооперация таким образом провела определенную черту между двумя классами, между трудом и капиталом. Благодаря этой системе оба эти класса получают то, что в данный момент диктуется прак-

тикой. Например, если будет установлено, что капитал имеет право требовать ограниченного участия в прибылях (вместо существующей в настоящее время системы неограниченных прибылей), то вопрос о том, нужно ли платить капиталисту выше пяти процентов и нужно ли вообще допускать внешние кредиты, будет зависеть от хода дел. Заслуживает, однако, внимания то обстоятельство, что если бы кооперация стала на героическую точку зрения идеалистов и вообще отказалась от уплаты каких бы то ни было процентов, то она навряд ли была бы в состоянии вообще развить такое большое движение. К счастью, мы начинаем постепенно понимать, что нельзя оздоровить мир при помощи искусных ораторов, обладающих большими эмоциями. Благоразумные люди теперь спокойно задают себе вопрос, не представится ли необходимым даже в будущем идеальном государстве уговорить людей не тратить все имеющиеся в их распоряжении средства на удовлетворение своих преувеличенных потребностей. Может-быть, будет весьма полезным предложить им умеренный процент с тем, чтобы они предоставили свои капиталы для увеличения производительности будущих поколений.

Вот в главных чертах то, что кооперация дала для теории и практики рабочего дела. Не надо, однако, забывать, что кооперация вначале утверждала, что в ее руках находится ключ к разрешению экономических проблем и что ее идеи весьма скоро приведут к осуществлению кооперативного общественного строя. Надежды эти оказались тщетными, и причина заключается в том, что кооперативное движение за последнее время на-ряду с огромными преимуществами обладает также очень тяжелыми недостатками. Его ошибки в общих чертах сводятся к следующему:

1. Кооперация до сих пор смотрит на своих служащих как на слуг, получающих определенные заработки и ни в чем не отличающихся от рабочих капиталистических предприятий. В некоторых производственных кооперативах существует в небольших размерах участие в прибылях, но английское Общество Оптовых Закупок—этот гигант между кооперативными организациями—совершенно устранило это участие в прибылях. Капитал общества составляется из паев независимых закупочных центров для мелкой торговли, которые участвуют в прибылях пропорционально сумме своих

закупок, следуя в этом отношении общепринятому в кооперации принципу. Таким образом, здесь речь идет о распределении прибылей между участниками предприятия по мере их закупок. Рабочие, занятые в производстве, получают, однако, только заработную плату или постоянные оклады. Кооперация принципиально не допускает участия рабочих какого-нибудь кооперативного предприятия в общих прибылях его. Это весьма серьезная ошибка, являющаяся с точки зрения общих общественных реформ еще более решающей.

2. Этот основной недостаток является лишь последствием более глубокой ошибки, о которой лучше говорить отдельно. В общем, каждый кооператив в теории проповедует множество возвышенных идей, на практике же он слишком часто превращается в коммерческую попытку получить товары по возможно дешевой цене. Но дешевые товары, между прочим, могут производиться только при наличии дешевой рабочей силы, а это, именно, и является основой системы капитализма. Таким образом, кооперация, вынужденная конкурировать с капиталистическим способом производства, вынуждена также принять масштаб вознаграждения капиталистического общества и подчинить наемного рабочего экономическим потребностям предприятия. Когда говорят, что члены кооперации прежде всего думают о получении дивидендов, т.-е. той части прибылей, которая причитается им в качестве процентов на закупленный товар, то упрек этот не лишен основания. Но не будем заранее осуждать: ведь именно это стремление добиться материальных успехов и заставило основоположников кооперации разумно приступить к действительному управлению фабриками и магазинами, вместо того, чтобы итти в ораторскую лавочку, заседающую в Вестминстере.

3. Та же самая ошибка проявляется и в другой форме, а именно в том, что кооперация не связалась достаточным образом с рабочей партией. В общем и целом кооперация является настоящей организацией рабочего класса. Тем более ошибочно, что она не образовала сомкнутого движения вместе с политической рабочей партией. Еще более приходится сожалеть о том, что профессиональные союзы не работали рука-об-руку с кооперацией. В последнее время в этом отношении как-будто происходят некоторые изменения: три главнейших отряда рабочей армии начинают постепенно приближаться друг к другу в разработке планов совместного

выступления. Но идея этого движения находится лишь в зачаточном состоянии.

Вот в общих чертах преимущества и ошибки кооперативного движения. Если изложение наше соответствует действительности, то всякому ясно, что кооперация является весьма мощным союзником, если не главным деятелем рабочего движения. Кооперация, по крайней мере, приступила к самой важной и решающей области работы—к организации производственной деятельности в руках работающих за плату классов общества, вместо того, чтобы предоставить эту деятельность исключительно капиталистам. С каждым днем становится все яснее, что в этом именно заключается сущность всей проблемы, в то время как политическая рабочая партия не может сделать ничего другого, как путем необходимых для этого законов проложить путь к организации промышленности. Но если занимающаяся политикой часть рабочего класса нуждается в кооперации, то и кооперация только выиграет в случае деятельного союза с рабочей партией.

Препятствием по пути заключения такого союза служит упомянутое уже выше обстоятельство, что кооперация не лучше капиталистов обращается со своими служащими, работающими за определенное вознаграждение. Выход из этого затруднения может быть найден таким образом, что кооперация воспримет идеи и организационные приемы, присущие гильдейской системе. Между кооперацией и системой гильдий нет существенных разногласий; скорее они дополняют друг-друга, и для обеих общность выступлений с профсоюзами является существенной предпосылкой полного успеха. Как уже указано в одной из предыдущих глав, главнейшая задача рабочей партии состоит в том, чтобы заставить эти различные элементы оказать друг-другу поддержку.

Задача кооперации в этих взаимных выступлениях совершенно ясна; в руках кооперации находится капитал (в больших размерах); она обладает опытом, который дает ей возможность при помощи средств профсоюзов и пропаганды рабочей партии привлечь капиталы и людей, чтобы наново организовать производственную жизнь Англии на кооперативно-гильдейских основах. Рабочая партия должна громко заявить, что распространение кооперативных лавок в городах и деревнях принесет огромные выгоды; она должна

советовать каждому члену профсоюза покупать только в этих лавках, если они отпускают удовлетворительные по качеству товары. Если бы можно было заставить рабочий класс в целом покрывать все свои текущие потребности при помощи одной организации, которая будет находиться в его руках и вестись в его собственных интересах без всякой поддержки со стороны капиталистов, то это послужило бы прекрасным примером для рабочего класса; в то же самое время организация эта могла бы быть крупной материальной поддержкой рабочего класса в его борьбе. Однако, при этом следовало бы избежать возможной и совершенно излишней в данном случае конкуренции со стороны мелкой торговли. Следовало бы установить принцип, согласно которому необходимо приложить все усилия к тому, чтобы постепенно включить все существующие мелкие лавки в систему кооперативных распределительных пунктов: можно было бы, например, уплатить соответствующую сумму за помещение, запасы, за фирму, а самих владельцев по возможности сделать заведующими кооперативных лавок и таким образом привлечь их на службу кооперации.

Но сбыт при помощи мелкой торговли занимает только второе место в общих задачах производственных предприятий. Почему бы рабочей партии, профсоюзам и Обществам Оптовых Закупок в Англии серьезно не приступить к организации производства сырья и фабрикатов, не дожидаясь дальнейшего развития в области политики и законодательства? Если бы рабочая партия решилась на этот шаг, то она весьма скоро добилась бы в Вестминстере необходимых изменений в области законодательства. В одной из предъидущих глав мы в общих чертах уже набросали проект закона о гильдейских обществах. Если бы рабочая партия и профсоюзы пришли на помощь, то Общество Оптовых Закупок в рамках предначертанных ему законом возможностей способно было бы организовать такого рода рабочие группы во всех более или менее подготовленных отраслях производства. Строительная промышленность, например, достаточно созрела, чтобы превратиться в гильдейскую монополию, так как правительство оказалось неспособным озаботиться о постройке домов. Предприниматели же в области строительства настолько глухи к требованиям общества и настолько заняты бессмысленной конкуренцией между собой, что чело-

век с улицы (на этот раз в буквальном смысле этого слова, так как он лишен крова) готов помочь любой системе, лишь бы она дала ему убежище. Вот где представляется для рабочего класса возможность показать миру пример своего значения и способности. Если бы рабочая партия сумела посвятить этой задаче все должное внимание, то капитал, необходимый для того, чтобы поставить на ноги строительные гильдии по всей стране, легко можно было бы найти у рабочих. Если каждый из шести миллионов организованных рабочих даст по одному шиллингу, это составит сумму в 300 тысяч фунтов. Общество Оптовых Закупок могло бы взять на себя поставку материалов и общий надзор над созданием средств, над отчетностью и над управлением предприятия. Нужно только быстро провести и поставить на хозяйственную ногу одно, доведенное до конца, предприятие, чтобы передать группе строительных гильдий всю область строительства. Базируясь на этом успехе, Общество Оптовых Закупок легко нашло бы необходимые денежные средства. Совсем иначе дело было бы поставлено, если бы правительство выпустило долговые обязательства на постройку домов с оплатой в 6%, ибо нельзя рассчитывать на то, что наши господа в городе и в деревне приступят к постройке домов, даже если в их распоряжение будут предоставлены необходимые средства. Сущность вопроса заключается в вопросе о силе рабочего класса; последний не доверяет господствующему классу по существу, наше же предложение объединило бы труд и капитал, который был бы собственностью самих рабочих; оба эти элемента оказались бы не противниками, а общими владельцами, и работа была бы исполнена.

Необходимо отметить здесь также, что весьма ценная кооперативная идея об организации предприятий местными силами охранила бы осуществление этого плана от опасности бюрократизации. Правда, центральный орган (в данном случае Общество Оптовых Закупок) возьмет на себя поставку материала и (по мере надобности) финансирования; несмотря на это, однако, ответственность за работу на местах будет возложена на местную гильдию, подобно тому, как каждый местный потребительский кооператив отвечает за то, хорошо ли работает его лавка или нет. Таким путем кооперация становится мощным союзником рабочего

движения. Кооперация обучалась практике в области торговли и промыслов, в то время как политики рабочей партии посвящали больше внимания абстрактным вопросам пропаганды и законодательства. Эта абстрактная сторона деятельности окажется постольку ценной, поскольку политики рабочей партии займутся обсуждением вопросов, касающихся практической деятельности. Политики могут связать членов профсоюзов, исполняющих непосредственную работу, с руководителями кооперации, способными помочь организации и финансированию предстоящих мероприятий.

Резюмируя, можно сказать, что кооперация создала скелет огромной системы как для крупной, так и для мелкой торговли, как для производства, так и для сбыта. Эта система, в союзе с политическими и профессиональными объединениями рабочего класса, могла бы наново организовать промышленность и торговлю Англии на принципе трудящихся, нашедшем свое выражение в форме, подобной гильдейским обществам. Как мы уже указали выше, речь здесь идет не об ограниченной идее физического труда. Будут приняты во внимание также интересы работников и не физического труда: и им будет оказана должная защита. В гильдейской системе имеется достаточно места как для дельного управляющего предприятием или торговым домом, так и для специалиста-техника. В этой системе найдется место для всех, кроме тех, которые не хотят полностью исполнять свою работу за полное вознаграждение.

Глава седьмая

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИМУЩЕСТВО И УПРАВЛЕНИЕ

Если даже согласиться, что для организации торговли и промышленности в главнейших чертах самым целесообразным методом является система гильдии и кооперации, если даже в согласии с этой системой передать управление различными отраслями хозяйственной жизни соответствующим организациям, то окажется, что некоторые части общественной жизни требуют особенного регулирования. Правда, таких исключений имеется не столько, как кажется на первый взгляд. Многие, например, полагают, что дело обучения касается интересов всего народа в целом и что этого дела нельзя передавать гильдии. При исследовании, однако, взгляд этот, по всей вероятности, окажется ошибочным. Нет ни одной отрасли общественной жизни, которая нуждалась бы в столь деликатном обращении, которая ни в каком случае не должна быть передана мертвящей и централизованной системе государственной бюрократии, как дело образования. Ни в какой другой области нельзя путем многообразия приемов, достигаемого только многочисленными самостоятельными опытами, добиться больших выгод, чем в области преподавания, свободной от принудительного однообразного регулирования центральными органами власти. Нет достаточно мудрых людей, способных найти исключительно верный путь для развития такого тонкого организма, каким представляется человеческий дух. Подобно тому, как, благодаря здоровой конкуренции различных производственных гильдий, удается достигнуть многих усовершенствований,—различные гильдии по преподаванию и воспитанию, имеющие возможность каждая развиваться по избранной ею линии, конкурирующие друг с другом, принесут только пользу. Так, например, следо-

вало бы сохранить самостоятельность Оксфорда и Кембриджа, а также и других университетов, обладающих еще многими чертами средневековых гильдий, предоставив им самоуправление и ограничив до крайности право вмешательства со стороны государства. Затем, каждая провинция могла бы подчинить дело начального образования союзу учителей данной провинции, который может легко быть преобразован в гильдию. При этом гильдии могли бы получать вспомоществование со стороны государства, как это делается теперь. Но при исполнении требуемого минимума в области воспитания и преподавания гильдии эти должны были бы получить еще большую свободу действия, чем та, которой они пользуются в настоящее время. Они должны были бы быть местными организациями и, как таковые, подчиняться общей для всей страны центральной преподавательской гильдии с местопребыванием в столице. Путем многообразных опытов возможно, быть может, достигнуть высшей мудрости.

Имеется, однако, несколько отраслей управления общественными делами, которые не нуждаются в таком осторожном подходе, и где интересы всего народа в целом превышают интересы отдельных частей. Так, например, до того времени, пока мы будем нуждаться в таких варварских учреждениях, как войско и флот, эти последние должны быть организациями всей страны. Разумная рабочая партия приложит все усилия к тому, чтобы убедить остальные рабочие партии мира в необходимости разоружения и сумеет добиться всеобщего согласия на то, чтобы эта форма уничтожения общественных ценностей исчезла из истории цивилизации. Не требуется много логических доказательств, чтобы совершенно ясно установить, что война почти всегда является результатом эгоистических стремлений заботящегося исключительно о своих собственных интересах класса военных спекулянтов, будут ли они называться рыцарями феодального периода, железным и стальным консорциумом или финансовыми спекулянтами. Последняя великая война окончательно доказала это. Остается только добавить, что буржуазная система полиции непременно должна перейти в ведение местных властей и что всякий человек, ценящий демократическую свободу, должен самым решительным образом противиться превращению полиции в централизованную государственную силу.

Вопрос о железных дорогах и путях сообщениях вообще, а также вопрос о земельной собственности, включая сюда и природные богатства, решается не так просто. В дальнейшем мы даем в виде примеров краткий обзор вопросов, которые нуждаются в специальном решении, как вопросы, касающиеся всей страны. Из дальнейшего же следует, что вопросы эти находятся в тесной связи с особой отраслью управления, с государственными финансами.

1. Земельная собственность

По вопросу об огосударствлении земельной собственности существует великое разнообразие мнений, подобно разнообразию по всем вопросам общественной жизни. Между прочим, существует одно, не совсем ясное, представление, что нельзя превратить землю в государственную собственность, не превращая одновременно сельского хозяина в государственного слугу и местожительство англичанина в государственную гостиницу. Но остается фактом то, что можно легко обеспечить все требования общества и государства, не разрушая по существу теперь же современной системы хозяйства, т.-е. без того, чтобы выселить навсегда или на время теперешних владельцев земли в городе и деревне. По закону земельная собственность уже и теперь является преимуществом короны, или, другими словами, народа в целом. Даже полный владелец земли (freeholder) является собственником, подчиненным короне, как высшему собственнику. Справедливые требования народа могли бы быть наново урегулированы соответствующими изменениями договорных условий. На практике это нашло бы свое выражение в системе налогов, которые по существу своему были бы не чем иным, как платой за аренду или за наем под другим названием. Всякие налоги в конечном счете являются выражением теории, согласно которой всякая земельная собственность представляет собой вид аренды, за которую необходимо платить определенную ренту. Облагать хлеб бедняка слишком высокой рентой и предоставить всевозможные привилегии городским землевладельцам представляет собой только весьма скверное решение вопроса о налогах. Эти неправильности гораздо лучше могут быть исправлены изменением налоговой системы, чем конфискацией всей земельной собственности и огосударствлением пекарен.

Раньше или позже, когда все люди достигнут совершенства, частная собственность, может-быть, перестанет существовать. Возможно, что когда-нибудь присвоение земли или урожая в качестве частной собственности будет считаться столь же неприличным, как было бы безумным установить права частной собственности на солнечное тепло и на дуновение ветра.

Но если вдруг превратить всю Англию в государственное имение, если ограничиться только созданием огромного управления в Лондоне, которое обязано будет собирать все арендные взносы, то это приведет к невероятной операции, которая, по всей вероятности, вызовет усиленную бухгалтерскую деятельность, а на практике даст очень небольшие результаты. Будет гораздо разумнее ввести систему постепенно возрастающих налогов, которая должна дать государству определенную ренту в форме доходов с земельной собственности. При этом возможно будет оставить теперешних владельцев на местах и даже предоставить им некоторую свободу повышать арендную или квартирную плату, повышать несколько цены на сельские продукты. Другими словами, этим путем удастся избежать хаотического переворота, но не потому, что мы не захотим воспользоваться быстродействующим средством, а лишь потому, что самое действительное средство, положительная реформа всей нашей системы собственности, не может быть осуществлено одним взмахом. Разрешение проблемы земельной собственности, поскольку вопрос касается собственности на землю для производства сельскохозяйственных продуктов, может быть найдено в успешной и наиболее производительной организации сельскохозяйственных работ, путем усовершенствования и применения наиболее научных методов. Но эта проблема по необходимости должна быть отнесена к организации промышленной жизни, при чем в данном случае речь будет итти о развитии сельскохозяйственных гильдий и промысловых и сельскохозяйственных кооперативов. Все это, конечно, не может быть осуществлено путем радикальных законов, а лишь путем упорной и тяжелой работы.

Но есть одно улучшение, которое не терпит более отлагательства и может быть осуществлено очень скоро. Необходимо подвергнуть переоценке всю землю Великобритании, согласно установленным теперь ценам. Все последующие повышения в цене, достающиеся владельцу земли без всякого его уча-

стия, должны быть отнесены в пользу государства или общины. Кто владеет землей, имеющей какую-либо монопольную ценность, в том смысле, что ее цена постоянно растет без всякого содействия владельца, владеет предметом, на который он не имеет никакого права. Тот, кто повышает цену своего имущества, повышая его производительность, имеет полное право требовать признания за ним, по крайней мере, части возрастающей цены. Между тем, городские землевладельцы, доходы которых постоянно растут только потому, что люди должны жить поблизости определенных центров, не имеют никакого права требовать повышения своих доходов. Здесь необходимо немедленно же применить такие радикальные меры, которые дадут возможность передать государству всю разницу в повышении цен на землю, в то время, как теперешняя цена городской земли должна подвергнуться той же участи, какая выпадет вообще на долю всякого имущества. Как бы то ни было, землевладелец не должен быть более строго наказан, чем всякий другой человек, обладающий бо́льшим имуществом, чем он сам в состоянии заработать. Эта будущая разница в цене земельной ренты должна быть конфискована таким же путем, как вообще будут конфисковаться состояния будущих владельцев,—путем применения строгих налогов на наследство. Вообще вся проблема сводится к вопросу об организации налоговой системы. Возможно, что один налог на наследство уже отчасти приведет к желательной цели. Конечно, референдум может решить вопрос в том смысле, что всякое имущество, превышающее определенную высоту, должно быть конфисковано, но все такого рода строгие законы, по всей вероятности, будут обладать только кажущимся значением. Внезапная всеобщая конфискация приведет к такому хаосу, что падение производительности и необходимость позаботиться об обеспечении совершенно неподготовленных к деятельности богачей и их бесполезных непроизводительных приспешников, по всей вероятности, поглотят большую часть конфискованных ценностей. Останется очень немного, что может быть использовано в интересах всего общества для повышения заработной платы или капиталов производства. Хаос поглотит гораздо больше, чем попадет в руки бедняков.

По всем видимостям, единственно возможным путем является тот путь, который, при помощи налогов, но в очень

тактичной форме, сумеет конфисковать возможно больше излишков накопленного в частных руках капитала, в то время как главная масса накопленных богатств постепенно должна перейти в ведение гильдий путем постепенной передачи прибыли с предприятий из рук нетрудящихся членов в руки трудящихся членов гильдии. При этом, однако, следовало бы издать такой закон, который содержал бы общие принципы, предоставляющие обществу право покупки каждой полосы земли, всякой фабрики и всякого здания, имеющих то или иное значение для развития общества. Этот закон одновременно должен создать легко и быстро работающий институт по оценке всех имуществ и по установлению той разницы, которая должна быть уплачена в качестве вознаграждения за принудительное отчуждение. Коротко говоря, это должен быть закон об экспроприации, распространяющийся на всякую земельную и всякую другую собственность монопольного характера, которая не может долее оставаться в руках частных владельцев, противящихся интересам всего общества. Это предложение не является новым: и в теперешнем законодательстве имеется целый ряд постановлений и институтов этого рода. Необходимо только объединить их в легко применимую нормальную систему. Институты эти помогут нам действительно провести работу по национализации земельной собственности или других родов собственности, т.-е. по организации производства, при чем они дадут нам возможность провести эти меры по возможности быстро. Мы никогда не добьемся национализации земельной собственности путем специальных законов. Мы только тогда сможем использовать ценность земли, когда мы сумеем добыть ее из ее же недр или строить на ней дома. Земля будет национализована путем использования ее, а не путем записей в земельных книгах.

2. Уголь

Большая часть того, что сказано о земле, относится также и к угольным залежам. Судьба теперешних владельцев угольных копей должна быть решена согласно тем общим соображениям, которые будут приняты избирателями в вопросе о конфискации имущества. Конфискация по справедливости не может распространиться на владельцев регалий, если она не затрагивает владельцев акций железнодорож-

ных обществ, консолей и военного займа. Но по существу это только небольшая частица интересующего нас вопроса. Вопрос не исчерпывается теоретическим спором о том, кому должны принадлежать угольные залежи; главный вопрос заключается в том, чтобы узнать, кто сумеет самым лучшим образом использовать залежи угля в хозяйственном отношении, т.-е. кто сумеет добыть возможно большее количество угля и возможно более дешевый уголь. В этом заключается сущность вопроса о национализации залежей угля.

Само собой разумеется, бессмысленно разрешать людям, не принимавшим никакого участия в добывании угля, получать какую-нибудь прибыль от этого добывания. Но это не более бессмысленно, чем разрешать акционерам получать дивиденды от железных дорог, построенных не ими. Но плата владельцу угольной копи за то, что он ею владеет, составляет только незначительную часть цены угля: если скинуть эту плату, средняя домашняя хозяйка совершенно этого не заметит. Для определения цены существенным является организация добычи угля, и здесь мы опять сталкиваемся с общим вопросом, сумеет ли гильдия или содружество работающих шахтеров доставлять уголь более дешевый и в большем количестве, чем какое-либо общество, где вопросы решают акционеры, по большей части не побывавшие даже ни разу в жизни в самых шахтах. Но если даже мы придем к заключению, что гильдия будет производить работы более успешно, чем какое-либо акционерное общество или профсоюз шахтеров, то все-таки члены гильдии должны будут платить обществу определенный налог, в виде ренты. Ведь ни герцог Нортумберландский, ни члены гильдии не создавали залежей угля. Поэтому общество должно получать определенные доходы с принадлежащих ему залежей угля, в форме ли налога или в форме участия гильдии в уплачиваемой потребителем цене за уголь. Вопрос сводится тогда к тому, как государство самым лучшим образом может возместить цену угля, существование которого не обязано ни работе одного, ни труду группы людей. Вот в чем заключается проблема национализации залежей угля. Наиболее целесообразным способом, повидимому, будет тот, при котором участие всего общества в добыче угля будет выражаться в форме определенного налога, который будет уплачиваться государству, вместо того, чтобы попадать в

карман частных владельцев земли. Незачем останавливаться на вопросе о том, получат ли эти владельцы какое-нибудь вознаграждение, или нет. Этот вопрос должен быть решен вместе с остальными, когда речь будет итти о передаче частных имуществ в руки гильдий или общества. Нельзя смешивать этого вопроса с вопросом о том, сумеет ли гильдия повысить производительность угольных копей по сравнению с добычей частных обществ.

Что касается вопроса о методах, согласно которым добыча угля должна перейти в общественное или полуобщественное управление гильдейского общества, то ответ на него может быть дан сообразно с изложенными в предыдущих главах принципами. Если эти общие принципы будут одобрены, то уголь не составит исключения из общего правила. Но необходимо указать на то специальное обстоятельство, что, хотя добыча угля всегда находилась в руках крупной промышленности (в противоположность, скажем, мелким предприятиям починочных мастерских), из этого не следует, что для управления угольной промышленностью необходимо создать какую-либо гильдию шахтеров, охватывающую всю страну и все ее угольные районы. При крупных организациях всегда имеются большие опасности, как, например, та, что крупный центральный контрольный орган легко может превратиться в тиранию бюрократов, вместо того, чтобы быть управлением специалистов по угольному делу. Если работать по принципу гильдейского социализма, то управление должно быть избрано демократией гильдии и передано в руки практических работников в горной промышленности. В сильной централизованной угольной гильдии, охватывающей всю страну, по всей вероятности, не останется ничего от этих руководящих принципов. В области угольной промышленности имеется ряд различных естественных более мелких единиц. Копи Южного Уэльса отличаются от Нортумберландских и Шотландских не только в географическом, но и в техническом отношении. Эти округа прекрасно могли бы существовать, как отдельные гильдии. Целесообразной была бы организация общих конференций. Гильдии могли бы ежегодно устраивать общие собрания и, может-быть, организовать также общую комиссию со специальным штатом сотрудников, которая обладала бы совещательным голосом. Во всяком случае, было бы лучше предоставить централь-

ному органу только совещательный голос и не давать ему по отношению к местным гильдиям полномочий, которые могли бы заставить эти последние подчиниться его воле.

Все угольные округа должны обязаться платить определенный налог государству, при чем общество должно иметь право устанавливать нормальные цены, обязательные для гильдий. Конечно, может случиться, что добыча в одной копи будет дороже, чем в другой, вследствие каких-либо технических затруднений. Такого рода затруднения должны решаться в согласии с соответствующими местными гильдиями, но это не значит, что в каждой копи должна существовать отдельная гильдия. Гильдии будут объединены географически по группам копей, сообразно естественным особенностям каждой местности, что даст возможность установить равномерность в управлении копями. Руководящим принципом в деле пространственной организации групп должна служить степень выгодности и наименьшее количество трений, которые могут возникнуть при централизации главного управления угольной промышленности.

3. *Железные дороги и пути сообщения*

Железные дороги и вообще все средства сообщения какбудто представляют собой совершенно отдельную часть управления общественным хозяйством. По всем видимостям, железные дороги меньше всех других отраслей могут быть включены в нормальную форму гильдий. Было бы весьма неразумным образовать гильдии автобусов и предоставить им конкурировать между собой на улицах того или иного города. Пыль, шум и опасности, создаваемые такого рода системой, легко привели бы к полному хаосу. Спокойное течение жизни нисколько не увеличится, если бы на-ряду с этими гильдиями были организованы гильдии воздушных путей сообщения для конкуренции с автобусами. В конце-концов, существование, скажем, полудюжины взаимно конкурирующих между собой железных дорог в Брейтон привело бы к тому, что все жители города искали бы иного убежища, чем Брейтон. Если конкуренция не приводит к лучшим результатам, чем монополия, то она не годится в качестве стимула. Во всех

таких делах принципы имеют только очень небольшое значение, главное—это достигнутые результаты. Но большинство людей полагает, что средства сообщения,—за исключением, может-быть, лифтов и мотоциклетов,—должны быть предметом общественной или частной монополии. А есть еще и теперь достаточное количество людей, которые думают, что можно заботиться о благосостоянии общества, оставляя в то же время монополию в руках частных лиц.

Может-быть, самым лучшим средством регулировать общение людей и товаров будет организация постоянной комиссии путей сообщения в палате общин, обязав эту комиссию беспрерывно собирать сведения о взглядах и жалобах человека с улицы (или лучше сказать, человека в вагоне и в карете). В этом вопросе придется сделать некоторого рода уступку социалистам-государственникам. Придется организовать центральное управление путей сообщения с невероятно большим количеством комнат, которое должно будет управлять и регулировать все средства сообщения для всей страны. Но эта комиссия не будет самодержавной для всех частей страны. Например, общины будут обладать правом регулирования вопросов городских железных дорог и омнибусов, а также устанавливать правила сообщения. Община вообще должна быть некоторым образом священной в глазах правительства, относящегося с уважением к свободе: никакая центральная власть не будет вмешиваться с легким сердцем во внутренние дела ее, подобно тому, как средневековые короли остерегались нарушать независимость городов, обладавших определенными свободами. Сообщение в сельских местностях, поскольку оно будет сосредоточено на подъездных путях и электрических железных дорогах, целесообразнее всего предоставить заведыванию провинциальных советов; при чем рабочая партия должна позаботиться о том, чтобы эти советы стали действительно деятельными, популярными органами управления, снабженными большими и широкими полномочиями, исполняющими самостоятельно и независимо выпавшие на их долю обязанности. Вмешательство государственных органов управления, защищающих интересы всего общества, должно быть по возможности ограничено. По всей вероятности, придется организовать общие комиссии по путям сообщения, составленные из представителей городских общин и провинциаль-

ных советов и обязанные установить прочную связь между городом и деревней.

Пользование железными дорогами, каналами и главными путями сообщения не может удовлетворять только местные интересы. Весь смысл существования этих путей состоит в том, чтобы сделать возможным перевозку людей и товаров по всей стране. Поэтому эти пути сообщения естественным образом должны будут составлять предмет ведения государственного управления. По всей вероятности, придется назначить чиновникам железных дорог и других государственных средств сообщения—будут ли они управляющими, или рабочими—определенные оклады, уплачиваемые государством, подобно тому, как они будут уплачиваться военным и морякам (до тех пор, пока мы вынуждены будем тратить деньги на войско и флот). Но наряду с этими твердыми окладами должно быть введено определенное самоуправление. Возможно, например, передать весь технический аппарат железных дорог всему штату железнодорожных служащих приблизительно в таком виде, как это делается в гильдии. Можно даже дать им некоторое личное участие в прибылях, остающихся после покрытия всех окладов, заработной платы и других расходов по управлению. Служащие будут получать распоряжение, пускать определенное число поездов по тарифам, устанавливаемым государственным управлением, контролируемым, в свою очередь, представителями парламента. Внутри рамок этих предписаний организация служащих железных дорог могла бы исполнять свои задачи по системе, которая, по ее собственному мнению, будет самой лучшей и самой хозяйственной, при чем в качестве стимула могло бы служить то обстоятельство, что организация служащих будет принимать участие в прибылях, достигнутых благодаря ее организационным способностям. Такого рода организация представляла бы собой нечто в роде привлечения к участию в прибылях, при чем остальная прибыль шла бы в пользу государства, вместо того чтобы попадать в руки частных капиталистов или акционеров. Сохранение этой несколько устарелой системы, вместо полной формы гильдии, находит свое объяснение в том, что в средствах сообщения общество в целом заинтересовано больше, чем в чем-либо другом, и непосредственные интересы общества должны доминировать над интересами лиц, занятых в этой

отрасли труда. Весь вопрос лежит в области тех промежуточных вопросов, которые логически не могут быть включены ни в какую теоретически построенную систему управления. Взамен этой уступки интересам общества необходимо позаботиться о том, чтобы условия труда и работы железнодорожников обеспечивали последним возможно лучшее существование.

Проблема путей сообщения соприкасается еще с одним весьма важным вопросом. Тарифы пассажирского и товарного сообщения могут быть весьма хорошей базой для установления общей системы налогов. Не изменяя ничего в описанной выше системе регулирования путей сообщения, лорд казначейства может весьма простым путем обложить все пассажирские и товарные тарифы одним шиллингом или другой соответствующей суммой. Уплачиваемые органам путей сообщения суммы будут свидетельствовать о хозяйственных успехах той или другой гильдии, того или другого частного предприятия отдельного пассажира. Сбор этого государственного налога может быть организован при минимуме расходов. Такого рода налог на средства сообщения (вместе со взимаемым государством налогом с земли) будет лучшим средством привлечения отдельного гражданина к участию в расходах всего общества пропорционально его силам и его доходам. Полное значение этой идеи будет выяснено в главе о финансах и государственных доходах.

Глава восьмая

ФИНАНСЫ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОХОДЫ

Возможность радикальных общественных реформ при помощи волшебных средств финансового характера до сих пор слишком переоценивалась. Так, например, существует довольно неясное представление, согласно которому подоходный налог, доведенный до 100% (20 шиллингов с фунта), падающий на слишком крупные богатства, устранит из жизни общества всякую опасность плутократии. Другие полагают, что следует бороться с монополией земельной собственности путем «единого налога», чтобы открыть путь всякому дельному человеку и дать возможность хорошему работнику добиться всего, одновременно уничтожив лентяя землевладельца. Конечно, нельзя отрицать, что до известной степени оба вышеупомянутые финансовые мероприятия могут привести к некоторым улучшениям. Но можно смело утверждать, что значение их будет весьма ограничено. Правда, они могут привести к тому, что система теперешнего господства монопольных владельцев будет уничтожена. Но главное, что приходится отметить—это то, что все эти мероприятия почти исключительно разрушительного характера, и что для нового строительства они ничего не дадут. Они, может-быть, помогут нам устранить старую систему, но они, повидимому, не обещают ничего хорошего в смысле непосредственной помощи при образовании новой системы, если не допускать, что тот, который разрушает дом, столь же ценен, как тот, который закладывает фундамент нового дома, долженствующего занять место старого. Финансовая реформа вообще редко является реформой, идущей вглубь. В конечном счете она только приводит к передвижению фигур, уже стоящих

на общественной шахматной доске. Эти реформы редко ставят своей целью задачи строительства; большей частью они имеют дело с явлениями, которые уже существуют.

Возьмем, например, налог, фигурирующий в большинстве планов радикальных общественных реформ,—мы говорим о подоходном налоге. В период строительства, когда рабочие будут брать в свои руки управление и денежные средства капиталистических, промышленных и торговых обществ, рабочая партия поступит весьма разумно, если она, путем высокого налога на большие доходы, постарается конфисковать в пользу общества большую часть существующего национального богатства. Доходы до пятисот фунтов, за небольшими исключениями, должны совершенно быть свободны от налогов. До тысячи фунтов налог этот должен быть незначительным, а затем налог должен сильно повышаться для того, чтобы устранить возможность получать доходы свыше десяти тысяч фунтов в год. По всей вероятности, окажется очень мало людей, охранение интересов которых будет лежать в интересах общества даже при такой высокой оплате,—за исключением, может-быть, небольшого количества философов и художников, учащих нас мыслить и чувствовать, и еще меньшего количества артистов, учащих нас смеяться. Но до тех пор, пока рабочие не будут организованы в гильдиях,—сообразно со сделанными выше предложениями,—или в другой какой-либо кооперативной организации, было бы весьма опасным совершенно подавить разумных и честных людей из среды частных капиталистов. Простой здравый рассудок говорит, что, когда хочешь построить новый фасад, необходимо оставить старые балки до тех пор, пока не построены новые, на которые этот фасад опирается. В настоящее время промышленность и торговля работают при условиях свободной конкуренции, основывающейся на возможности обогащения каждого отдельного лица. Нет сомнения, что система эта никуда не годится. Но если устранить все стимулы путем энергичной реформы и насильственного подоходного налога, то может наступить внезапный крах еще до того момента, когда система нового строительства возьмет всю работу на свои плечи. Чистый доход в количестве десяти тысяч фунтов в год во всяком случае является достаточным стимулом, способным заставить

человека производить ценности. Все, что свыше этой суммы, скорее будет служить удовлетворению его жадности, чем вознаграждением за его трудолюбие.

Таким образом, постепенный подоходный налог мог бы быть временным средством, которое должно быть включено в финансовую программу рабочей партии. Но налог этот должен быть временным, преходящим средством. Защитники «единого налога» справедливо называют бессмысленным обложение того, кто производит ценности, и смешным предоставление бездельникам-землевладельцам возможности сидеть со сложенными руками в то время, как их доходы от земельной собственности в городах, без всякого содействия с их стороны, продолжают расти. Не потребуется много времени для того, чтобы разработать систему, согласно которой вся земельная собственность переходит во владение государства. Если система эта установит определенное вознаграждение теперешним владельцам земли, то это вознаграждение будет определяться ценностью земли в настоящее время. В результате, на следующий день после этой реформы, государство естественным путем станет владельцем растущей ренты, попадавшей до сих пор в карманы частных землевладельцев. Уже эта возможность сама по себе (поддерживаемая тем обстоятельством, что при росте народонаселения, число людей, нуждающихся в земле для застройки или для обработки или для возведения мастерских, будет расти), по всей вероятности, даст такой источник доходов, который станет для государства самым важным. Это, со своей стороны, будет иметь еще и то преимущество, что сбор таких доходов не представит больших затруднений, так как дело будет итти только о повышении ценности ренты. Совершенно отпадет теперешняя смешная система заполнения весьма сложных формуляров о своих доходах. С другой стороны, возможность скрывать доходы тоже сократится до минимума.

Но на-ряду с этим натуральным ростом ценности земли представится возможность заменить государственный подоходный налог арендной платой, которая должна быть вносима в пользу общества. Таким образом потребность в государственных доходах может быть покрыта просто повышением ренты. В общем и целом дом, в котором живет то или другое лицо, может служить прекрасным масштабом

его имущества, по крайней мере, таким же хорошим масштабом, как сумма остального его имущества. В настоящее время герцог обыкновенно занимает больший дом, чем конюх, а до тех пор, пока наша система будет базироваться на этих основах, определенная скала арендных рент может быть проведена по тем же принципам справедливости, как и большинство остальных реформ налоговой системы. Этим мы только хотим сказать, что местное распределение налогов на основании земельных участков и домов может служить базой для распределения также и государственных налогов, которая, в конце-концов, может привести к устранению ставшей безнадежной и страшно сложной системы подоходного налога. Предлагаемая нами система уже легла в основание финансовой политики общины. В данном случае, когда рента уже установлена и достигнуто некоторое единство в определении расходов по содержанию недвижимых владений, распределение общих налогов сводится в конечном счете к определению процента с ренты, необходимого для покрытия всех финансовых нужд общины. Простота всего этого способа обложения выравнит очень много из существующих теперь недостатков и в то же самое время удовлетворит требования защитников идеи «единого налога» и национализации земельной собственности. При теперешнем положении дел естественный ход вещей приведет, правда, к тому, что налоги лягут в равной степени на всех членов общины, что неизбежно при всяком обложении в системе свободной конкуренции. Во избежание уклонений от этой налоговой системы лорд государственного казначейства должен будет проявить гораздо больше умения, чем до сих пор вообще проявлялось при разрешении этой проблемы.

Нам могут заметить, что эта система налогов на землю по существу своему может быть проведена без того, чтобы затронуть вообще вопрос о национализации земли. Земельная собственность может остаться в частных руках, а рента все же может быть взята за основу общей государственной налоговой системы, как она теперь уже служит основой системы общинных налогов. Необходимая сумма может быть собрана таким образом, что налог устанавливается в определенном проценте. Но всякому ясно, что очень скоро окажется необходимым прямо приступить к разрешению этой проблемы и просто национализировать всю земельную соб-

ственность. До тех пор, пока землевладелец остается господином, общая система налогов, в форме хотя бы земельного налога, не будет достаточно гибкой; тот орган, который будет облагать налогами (в данном случае государство), должен в то же время быть владельцем земли и соответственным образом изменять постоянно высоту арендной и наемной платы согласно существующим условиям. Вообще, вся проблема национализации земельной собственности, собственно говоря, не относится к области финансов и подверглась уже достаточному обсуждению в главе о государственном имуществе. Но намеченная выше система обложения может быть применима и в том случае, когда имущественные записи будут храниться в несгораемых шкапах государственного управления земельной собственностью или в ящике стола частного землевладельца. Мы предлагаем ее в качестве временной формы налоговой системы для покрытия текущих расходов и в качестве средства, дающего возможность подготовить теперешнюю систему к успешному преобразованию в новую систему.

При этом мы приходим к заключению, что проблема уравнения в распределении богатств никогда не может быть решена путем финансовых волшебств и всяких кунстштюков того или другого лорда казначейства. Необходимо урегулировать вопрос о распределении богатств в его основах, т.-е. там, где эти богатства производятся; нельзя сначала предоставить эти богатства в пользование частных лиц, а затем путем налогов стараться опять их заполучить в свои руки. Вот почему мы придаем такое огромное значение организации промышленной деятельности в гильдиях, основанных на демократии. В этих гильдиях рабочие сами будут распределять производимые на свет богатства по системе справедливости и не разрешат кому-либо присвоить их, чтобы затем опять забирать у него эти накопленные богатства путем весьма высокого подоходного налога. Таким образом мы рассматриваем налоговую систему в качестве весьма полезного инструмента в общем вопросе о реформах. Система эта может оказаться весьма действительной, как временное средство заполучить опять то, что никогда не должно было ускользать из наших рук. Но истинное решение вопроса лежит в том, чтобы с самого начала надлежащим образом распределить богатства.

Те возможности, которые предоставляются налогом на наследство, до сих пор не были исчерпаны полностью. По всей вероятности, мы в этой системе налогов с наследства сумеем обрести такой метод, который позволит нам выравнить большинство неравенств, получивших, может-быть, слишком большую свободу действия при нашей системе хозяйства. Когда вопросы эти будут урегулированы надлежащим образом, для нас, может-быть, не будет никакой опасности предоставить каждому отдельному лицу поместить разумную часть своих доходов в качестве капитала, за который он будет получать проценты, при условии, что эти накопления частных капиталов не лягут постоянным бременем на все общество. Налог на наследства, конфискующий, скажем, каждое наследство свыше двадцати тысяч фунтов стерлингов, сделает невозможным существование всякого капиталиста. Такого рода налог приведет к тому, что общество в целом сумеет опять овладеть теми капиталами, которые оно сочло возможным временно оставить в руках частного лица для того, чтобы заставить его исполнить ту или другую обязанность. Эта строгая налоговая система, кроме того, приведет к тому, что богатства постоянно будут перераспределяться по справедливым и здоровым экономическим идеям, что результаты труда отдельного члена общества в конечном счете, главным образом, пойдут на пользу всего общества в целом, которое будет иметь право взять обратно то, что принадлежит ему. Мы будем иметь возможность без всякой опасности привлечь каждого отдельного члена общества к участию в процессе производства ценностей; общество сумеет в будущем опять присвоить себе ту часть произведенных богатств, которая принадлежит ему по праву. Путем умеренного обложения доходов можно, например, повысить работоспособность отдельного члена общества. А когда производительность повысилась, то часть богатств может быть опять конфискована в пользу общества путем строгого налога на наследство. По всей вероятности, такого рода налоговая система сама по себе поставит капитализм в очень затруднительное положение и ляжет на него гораздо более тяжелым бременем, чем подоходный налог. Обойти налог с наследства можно только путем добровольного распределения имущества среди оставшихся в живых. Налог этот ложится на капитал в его основе, в то время

как подоходный налог всегда дает возможность капиталисту путем повышения цен или уменьшения заработной платы все-таки свалить тяжесть его на чужие плечи.

Само собой разумеется, на-ряду с подоходным или земельным налогом и налогом на наследство, который, по нашему предложению, должен заменить первые два, имеется еще ряд различных, весьма важных налогов. Ведь кроме покрытия государственных расходов, налоги дают и другие результаты. Налоги являются средством регулирования жизни граждан, направляя эту жизнь в ту или другую сторону. Возьмем, например, налог на спиртные напитки. Даже самые горячие противники так-называемой «государственной трезвости» должны согласиться, что имеется определенная градация в употреблении напитков, которая может привести к физическому и духовному ослаблению. Полезное потребление алкоголя имеет свои границы; эти границы очень многими людьми совершенно бессознательно нарушаются. Большинство людей должно согласиться, что налог на спиртные напитки представляет довольно справедливый род налогов, взимаемых со всего общества, что он, кроме того, является весьма полезной мерой повести людей самым деликатным образом на путь истины. Запрещение алкоголя несправедливо так как всякое принуждение почти всегда несправедливо. Более того, что еще хуже, принуждение всегда бесполезно. Опыт стран, где потребление алкоголя запрещено, доказывает, что желательные результаты никогда не достигаются. Но совершенно другое—заставить потребителя алкоголя путем специальных налогов заплатить несколько больше за вино, что уже осуществляется и теперь. Такого рода налог заставит потребителя хорошенько взвесить все выгоды и невыгоды потребления алкоголя. Медицинская наука в настоящее время склонна думать, что количество потребляемого алкоголя должно все больше и больше уменьшаться.

Такого же рода налог представляет собой налог на автомобили. Очень возможно, что, если бы каждый имел право разъезжать по стране в свободном от обложения автомобиле, у нас было бы огромное перепроизводство машин. Еще более наглядным является налог на табак. Автомобили и табак по справедливости могут быть названы роскошью, которая не только должна быть обложена налогом, но и

до известной степени по возможности ограничена. Государственный бюджет в первую голову должен по мере возможности покрываться налогами на такие предметы, которые могут быть включены в понятие «роскоши». Это понятие определяется таким образом, что под ним подразумевается все то, что представляет собой опасность для здоровья, когда оно потребляется в слишком большой дозе, что обыкновенно имеет место. Даже хлеб вреден, когда он потребляется в слишком больших количествах. Но в этом отношении имеется очень мало злоупотреблений. Роскошь же обычно употребляется в неограниченном количестве, приносит как нравственный, так и физический вред, и поэтому вполне полезно заставить граждан ограничить в некоторой степени это потребление. Достигнуть этого возможно путем обложения известным налогом предметов роскоши.

Идеальным налогом может быть назван тот, который легко взимается и распределяется поровну на всех. В этом отношении более или менее идеальным является гербовый и т. п. сбор. Если этот сбор будет регулирован в соответствии с высотой сделок, то он будет приблизительно отвечать денежным оборотам тех лиц, которые обязаны его уплачивать. А так как гербовые марки можно весьма легко купить и наклеить, то не будет необходимости организовать специальный орган управления, обходящийся очень дорого. Эта система может быть развита в любом размере. Если обычный гербовый знак будет стоить один пенни на фунт вместо теперешней таксы, устанавливающей равную оплату для всех сумм свыше двух фунтов, то это обложение может стать весьма целесообразным налогом, который возможно также и повысить, не создавая новых органов управления. При проведении налога в указанном размере, гербовый сбор покрыл бы довольно значительную часть расходов всей страны. Как сказано уже выше, налог этот вполне соответствовал бы доходам каждого отдельного гражданина. Если он будет взиматься с покупателя, то он будет пропорционален трате каждого отдельного лица. Конечно, такой налог при теперешних условиях свободной конкуренции ляжет только на плечи продавца. Это еще раз свидетельствует о том, что глубокая проблема общественного благоустройства не может быть решена налоговым путем. Необходимо начать с производства, а не с конца—с налогов.

Вопрос о налогах должен занимать определенное место в программе общественных реформ. Этот вопрос сводится к проблеме получения необходимых государственных доходов в самой простой форме. Когда мы найдем один или два простых налога в роде земельной ренты или ренты с домов, или, наконец, гербового сбора (за исключением, конечно, налогов на предметы роскоши, которые должны продолжать взиматься также по другим соображениям), тогда мы, по всей вероятности, найдем также простую систему, которая потребует только простого умножения, чтобы каждый год собрать необходимые суммы. Если гербовый сбор в одном году составлял $^5/_{12}$%, то он в следующем году может составлять двойное количество процентов, когда разумное правительство захочет, наконец, уничтожить всю городскую нищету или преступное и неразумное правительство захочет вести войну. Точно таким же образом может быть увеличена земельная рента, как уже сказано выше, на один пенни или на один шиллинг, т.-е. на $^5/_{12}$, или на 5%. Это повышение охватит все общество и будет проводиться путем повышения цен на хлеб и уголь, т.-е. на предметы первой необходимости; таким образом налог будет уплачиваться всеми. В то же время налог с доходов и с наследства позаботится о том, чтобы устранить слишком большое накопление богатств в одних руках, конечно, до того только времени, пока мы разрешаем, чтобы такие капиталы вообще попадали в частные руки. Однако, мы считаем нелишним еще раз повторить, что единственным средством борьбы против этого является недопущение того, чтобы в частных руках скоплялись вообще слишком большие доходы, которые, в конце-концов, приводят к образованию крупных капиталов. Средством борьбы против крупных доходов является просто неуплата таковых. Было бы детски неразумным сначала допускать образование таких доходов, а затем пытаться путем налогов опять заполучить эти доходы. Это похоже было бы на то, как если бы мы закрыли сарай после того, как лошадь украдена. Путь к демократическому разделению имуществ идет через демократическое регулирование производства и торговли, а не через насильственные попытки налоговой системы.

Глава девятая

ОБЩАЯ ПОЛИТИКА

И рабочая партия и кооперация имеют все основания помнить о том, что они живут в далеко не идеальной обстановке. Поэтому они должны помнить, что, если политическая судьба поставит во главе страны правительство из состава рабочей партии, то этому правительству придется решать много вопросов, не имеющих прямого отношения к программе рабочей партии. Нерешенными останутся еще вопросы в роде конституции Британской мировой империи, ирландского вопроса, внешних сношений и Лиги Наций, палаты лордов, конституции и учреждений палаты общин. Кроме того, останется еще ряд общественных вопросов как законодательство о браке, торговля спиртными напитками и дюжины других, требующих большого внимания, вопросов, составляющих основы нашей весьма сложной человеческой жизни. Первое, с чем придется иметь дело правительству из состава рабочей партии, будет тот факт, что ему придется управлять народом, составленным из весьма разнообразных существ, а не отделением какого-либо профессионального союза. Имеются весьма существенные огромные жизненные принципы, лежащие в основе всей теории рабочей партии, которые непременно окажут воздействие на все решения рабочего правительства. Но, кроме них, придется решать вопросы, на которые экономические взгляды рабочей партии не дают ответа, вопросы, на которые, однако, рабочий-министр должен будет дать ответ, как человек широкого мировоззрения.

1. Ирландия

После того как мы только-что закончили войну, которая, по словам наших государственных деятелей, велась в интересах маленьких народов, рабочее министерство не сумеет больше играть в темную или быть настолько ханжеским, чтобы поставить этот принцип вверх ногами, когда речь зайдет об ирландской проблеме. Если требования Бельгии,—страны с очень сильно смешанным населением,—были хоть сколько-нибудь справедливы, если этот народ имел право рассматривать себя, как единый, и требовать устранения всякого вмешательства извне, то тем более логично требование Ирландии,—страны с сравнительно весьма чистой расой,—о самостоятельном правительстве, согласно желаниям большинства населения. Если бы вожаки юнионистов в Бельфасте были английскими спортсменами, а не английскими политиками, то они стыдились бы бороться со своими противниками более сильным оружием и более тугим кошельком. Они решительно отказались бы бороться с командой, у которой одна рука была бы связана. Англия всегда гордилась тем, что население ее представляет собой расу спортсменов. В Ирландии же англичане вели себя так, как ведет себя старший в каком-нибудь восьмом классе интерната. Лица с большим образованием, чем богатые политики Вестминстера, лица, владеющие только элементарным знакомством с историей и человеческой психологией, прекрасно понимают, что свободная Ирландия была бы неоценимым союзником, а не военной слабостью Великобританского острова. Но наши политики необразованы, бессердечны. Когда человек, бывший одновременно и джентльменом и ученым, когда Джордж Вайндгам хотел научить их лучшему, они от страха потеряли голову, как вообще бывает с мелкими душонками в присутствии более умных людей. Когда государственный деятель в роде Горация Плэнкета учит их чистой логике, они его понимают так же плохо, как готтентоты понимают философа. Но последние, по крайней мере, внимательно выслушают философа, а английские политики прибегают к бомбам и пулеметам. Никто из обладающих хоть мало-мальски нравственной и физической смелостью не боится свободной Ирландии. Он вполне

согласится со словами Томаса Моора: «счастлива была бы Англия, если бы она строилась на гордости и чести».

Но что бы ни думал мало-мальски порядочный человек, гордость ему не позволит играть роль палача. Ирландия, по всей вероятности, удовлетворилась бы такой же степенью свободы, как Канада или австралийские колонии, составляющие часть империи. Но эта свобода должна ей быть предоставлена совершенно открыто, как один джентльмен поступает по отношению к другому. Если Ирландия требует свободной республиканской конституции, если эта конституция будет ей дана, то уже через несколько лет Ирландия будет связана с Англией гораздо более тесным образом, чем тот, который объединял эти страны на протяжении всей их истории, полной правительственного безумия. При этом такой чудесный пример пробьет в презрении европейских народов к английскому ханжеству гораздо большую брешь, чем все события в истории Англии. Одновременно такого рода поступок устранит громадную часть недоверия и противоречия интересов между конкурирующими между собою странами, устранит таким образом большинство поводов к войне. Новое урегулирование положения Ирландии, удовлетворяющее ирландский народ, во многом и существенным образом поможет установлению мира среди всех народов. В последней войне одним из самых больших затруднений для нас была не свободная, а порабощенная Ирландия. Нельзя угрожать миру Европы только потому, что сэр Эдвард Керзон и друзья его считают необходимым цепляться за Англию, как плачущий ребенок цепляется за юбку своей няньки. Если они будут себя вести, как следует, то они в Ирландии не подвергнутся никакой опасности.

2. Британская империя

Проблема Британской империи по существу своему имеет много общего с проблемой Ирландии. Колониальные страны должны иметь возможность свободно решать свои собственные дела. До сих пор мы сумели сохранить эти колонии внутри империи только потому, что предоставили им свободу, и мы сохранили бы, по всей вероятности, Ирландию, если бы мы ей дали свободу; конечно, тогда мы перестанем доверять наши политические

дела героям кнута. Но вопрос о независимости колоний на практике уже решен. За идеей империи скрывается гораздо более глубокий вопрос. Если мировая империя придает нам силы, то она в то же самое время делает нас предметом зависти. В нравственном отношении зависть является источником слабости, даже если она в физическом отношении является источником силы. Но факт налицо: империя образована; будет несколько бесполезным на старости лет вернуться к благочестивым мыслям. Мы сделали свои колонии более или менее независимыми государствами. Мы не можем себе представить ни одного ответственного государственного деятеля, который попытался бы заставить Канаду или Австралию принять участие в наших войнах, помимо их собственного желания. Более того,—мы, по всей вероятности, должны будем прибегнуть к силе, чтобы заставить их выйти из состава империи. Все, что мы можем сделать, сводится к решению, что с политикой захвата новых стран надо раз навсегда покончить. Мы должны, например, предоставить Месопотамию арабам и просить Францию и Италию предоставить остальные части Малой Азии туземцам, которые их населяют. Всякое дальнейшее завоевание мира должно проводиться методами мирного воздействия, на которое равное право предоставляется всем ведущим себя соответствующим образом людям. Сила, в качестве фактора политики, должна самым решительным образом быть устранена из жизни людей. Может-быть, покажется лицемерным, что мы, англичане, теперь выступаем с лозунгами против империализма и милитаризма после того, как эти последние дали нам столько выгод. Но мы должны постараться сделать это совершенно искренне и самым решительным образом. Из Месопотамии мы можем еще уйти. Мы можем еще снять с Египта гнет империи, тяжело лежащий на этой стране, если другие страны дадут нам разумные гарантии ненарушимости свободы Суэцкого канала. Все это мы можем сделать и при этом еще несколько скептически относиться к людям, провозглашающим лозунг «Египет для египтян», так как мы не знаем, будут ли они управлять страной лучше, чем мы это делаем. По всей вероятности, лорд Китченер и лорд Кромер совершили в Египте гораздо больше мудрого, чем сделал бы какой-либо турецкий или египетский властелин. Но все-таки существует здоровое жизненное пра-

вило, согласно которому каждый сам должен нести ответственность за свои собственные дела. Система держания на поводу, доведенная до крайности, в конце-концов, разрушает духовные жизненные силы. По всей вероятности, все эти замечания относятся также и к Индии. Дальновидные социалистические чиновники из управления Индии говорили мне, что если там националисты средних классов сумеют оказать то влияние на правительство, которого они добиваются, то через несколько лет крестьяне Индии попросят англичан охранить их от господ, гораздо менее справедливых и демократических, чем английские насильники. Но и в этом вопросе необходимо возложить на Индию всю ответственность, так как это единственный путь, который ведет к свободе.

Кроме всего вышеизложенного, как для Египта, так и для Индии, еще важен вопрос, представляем ли мы—европейцы— со всеми нашими современными знаниями и наукой действительно более высокую цивилизацию, чем цивилизация востока. Было бы слишком преждевременным заключать, что фабричный город в Ланкашире или угольные копи в Нортумберланде представляют собой более высокую степень, чем индусская община. Пусть запад не слишком гордится тем, что его списки импортных и экспортных товаров пестрят многозначными цифрами. Это, может-быть, является идеальным для лавочников, для философов же это далеко не идеально.

3. Реформа конституции

Имеется ряд вопросов государственного права, которые придется разрешить рабочему правительству, хотя бы только во избежание того, чтобы люди не тратили понапрасну времени на пустяковые вещи. Вопрос о палате лордов следует отложить, так как лорды даже при теперешнем положении вещей не могут помешать законодательным мероприятиям, к которым стремится действительно весь народ. Кроме того, члены палаты лордов (за исключением нескольких плутократических парвеню) в общем и целом гораздо более могут быть названы государственными деятелями и гораздо менее эгоистичны, чем представители торговли и промышленности в палате общин. Предпочтительнее доверить демократию Англии теперешней палате лор-

дов, чем палате общин, если последние должны оставаться таковыми, как они теперь есть. Рано или поздно мы должны будем притти ко второй палате, состоящей из членов, избираемых пожизненно, на основании их обширных знаний в различных областях человеческой жизни. Там мы будем иметь представителей, скажем, живописи, архитектуры, музыки, науки, права, сельского хозяйства, промышленности, интернационализма и т. д. Придется найти какую-либо другую, более правильную, избирательную систему, чем избирательные урны, иначе мы опять получим людей с большой глоткой или интриганов (как это теперь имеет место в очень многих случаях в палате общин), вместо истинных людей мысли и дела, каковые нам нужны. Возможно, что старый путь назначения королем так же хорош, как всякий другой: ведь, это, другими словами, значит, что члены высшей палаты избираются по предложению министерства, а это все, чего мы можем добиться в демократическом государстве. Таким образом члены палаты лордов будут удостоены чести быть избранными в палату за заслуги по отношению ко всему обществу, а не за количество богатств, которые они сумели скопить за счет этого общества, как это происходит теперь. Конечно, ничто так не поможет образованию действительно полезной высшей палаты советников, как здравомыслящий народ. Никакая система не может нас защитить от глупого народа.

Реформа палаты общин гораздо нужнее, так как теперешний состав палаты в большей степени угрожает демократии, чем палата лордов. Средний член палаты общин находится, так-сказать, еще в периоде подготовки,—в то время, когда большинство членов палаты лордов, по крайней мере, в течение нескольких поколений успели приобрести некоторые навыки и забыть те хитрости и мало симпатичные приемы, которые составляют все содержание жизни выскочки. Более старые семьи лордов обладают определенным чувством личного и национального достоинства, обладают также чувством простого человеческого приличия. Они дошли до такой степени развития, что совершенно удовлетворяются рентой в 5% со сданных ими в аренду земель. Те же, которые теперь еще добиваются, так-сказать, признания, строят планы, дающие им двадцать процентов ренты; это люди, которые зарабатывали сто на сто на военных заказах. Самые

удачливые из них (как это уже водится со времени Вильяма Питта), конечно, сумели себе купить место в палате лордов. Но большинство из них все-таки продолжает заседать в палате общин. Эта последняя является, собственно говоря, представительством богачей. Это может показаться странным, если принять во внимание, что мы теперь обладаем избирательным правом, дающим право выбора почти всем взрослым. Еще более странным может показаться это обстоятельство, если принять в соображение, что избиратели Англии, на основании расширенного избирательного права в 1918 году, выбрали ту палату общин, которая во всей истории Англии может считаться самой недемократической.

Нет никакой демократической необходимости посвятить слишком много внимания избирательной системе. Однако, правительство рабочей партии поступит, по всей вероятности, весьма разумно, если заставит весь народ нести ответственность за неразумные выборы и раз-навсегда предоставит избирательные права всем взрослым мужчинам и женщинам после небольшого срока приписки к той или иной общине. Главным плюсом такого рода системы будет то обстоятельство, что это, может-быть, заставит народ осознать свою собственную глупость, которая приводит к плохому правительству, когда избираются плохие правители. Когда избиратели вынуждены будут сами себе стелить, то они будут знать, кто виноват в том, что их ложе не совсем удобно. История показала, что широкие избирательные права не всегда являются необходимой предпосылкой народной свободы. Соединенные Штаты уже давно достигли апогея в деле прокламирования политической свободы, на практике же эта огромная республика находится в руках небольшой клики заправил трестов и политических дельцов. Как бы то ни было, Англия должна пройти и эту опасность и последствия ее. Когда Англия будет иметь уже политическо-демократические институции, возникавшие в умах всевозможных политических спасителей, народ поймет, наконец, что за все отвечает он сам, и тем скорее осознает, что путь к свободе ни в коем случае не ведет исключительно по политической линии.

Есть одна реформа, которая, по всей вероятности, будет иметь для демократии гораздо большее значение, чем самое

лучшее избирательное право. Если нам удастся только устранить систему партий, то мы, несомненно, добьемся исключительного и непосредственного успеха. До тех пор, пока власть будет находиться в руках партийных аппаратов, мы будем продолжать управляться самым скверным и самым разлагающим образом очень узкими классовыми группами. Если мы уже задаем себе труд выбирать палату общин, то необходимо позаботиться о том, чтобы эта палата действительно управляла страной. Правительство должно быть исполнительным слугой палаты, а не последняя—послушной рабыней правительства, как это имеет место теперь. Нет оснований отказаться от выборов членов кабинета путем открытого голосования; при этом каждый отдельный член кабинета мог бы избираться за особые заслуги его в той или другой области. Каждый член кабинета мог бы оставаться на своем месте до тех пор, пока продолжает заседать избравший его парламент, а в случае выраженного палатой недоверия, нашедшего свое выражение в неодобрении какого-либо важного законодательного мероприятия в той области, руководителем которой является данный министр, последний должен уйти. Однако, весь кабинет совершенно не обязан уходить вместе с ним, как это предписывается конституцией. Такая система ввела бы чисто деловое отношение к отдельным министрам, а депутаты могли бы голосовать по своему разумению, не неся ответственности за падение всего кабинета, когда то или другое мероприятие его не найдет одобрения всей палаты. В настоящее же время кабинет может угрожать палате роспуском, когда последняя отказывается утвердить то или другое законодательное мероприятие. Каждый член палаты в таком случае опасается потерять свое место; получается чистейший деспотизм со стороны кабинета. Кабинет может приставить дуло к виску палаты и заявить: «Вы должны поддержать все то, что мы приказываем, или же вы вынуждены опять обратиться к своим избирателям». Разве можно при этом удивляться, что несчастная натура человеческая,—а как она мелка в кругу политиков, об этом говорить не приходится,— не может устоять против этой угрозы!

Если каждый член кабинета будет избираться палатой и будет зависеть от качества своих мероприятий, тогда угрозы партийных клик сами собою потеряют всякое значение. Если

сама палата, а не политические интриганы, будет распределять должности, то премьер-министр и его коллеги действительно станут слугами, а не тиранами конституции. Эта сравнительно простая реформа, по всей вероятности, больше поможет оздоровлению и оживлению нашей политической системы, чем всякие другие изменения.

4. Охранительные пошлины и свободная торговля

Если промышленность и торговля перестанут быть функциями сравнительно небольшой кучки людей, стремящейся, главным образом, к личным выгодам, то это не значит еще, что продолжающаяся в течение нескольких столетий борьба между сторонниками охранительных пошлин и свободной торговли сейчас же исчезнет. Но борьба эта примет форму, совершенно отличную от той формы классовой борьбы, которая существует в настоящее время. В эпоху средневековья охранительные пошлины на шерсть имели национальное значение: все благосостояние Англии в то время в сильной степени зависело от возможности вывоза шерсти. Однако, с течением времени пришли к заключению, что этот вопрос потерял свое национальное значение и постепенно превратился в спор о том, кто должен иметь все преимущества: землевладельцы в качестве производителей или крестьяне в качестве потребителей хлеба. Вот почему в эпоху Тюдоров возникли затруднения, вследствие захвата общинных земель крупными землевладельцами. В течение XIV и XV столетий борьба за охранительные пошлины против свободной торговли приняла уже характер борьбы между производителями и потребителями. Но по сравнению с последующим развитием этой борьбы она в то время была скорее борьбой широких классов, чем борьбой между бедным потребителем и богатым капиталистом. В начале эпохи ганноверской династии капиталисты, торговцы и землевладельцы, благодаря двум революциям XVII столетия, крепко засели у кормила власти: с этого момента пошлина означала, главным образом, защиту богатого против бедняка. Монопольные права восточно-индийского общества представляли собой попытку небольшой клики купцов Сити присвоить себе всю добычу Индии. Эти пошлины представляли собой крайнюю

форму борьбы против конкурента в области торговли. Люди в роде Питтов сумели сохранить власть в своих руках только благодаря тому, что они построили мировую империю на пользу английских промышленников и торговцев. При этом надо, однако, отметить, что путем создания мировой империи далеко за границами родной страны они в некоторой степени сумели избежать других методов, а именно— оказания помощи промышленникам и торговцам внутри страны путем охранительных пошлин. Только когда уж нечего было более завоевывать, богачи опять стали кричать о возобновлении таможенных тарифов, чтобы защититься против мировой торговли, ускользнувшей из рук английского купца. Когда весь остальной мир не желает больше платить нашим купцам высоких цен, хотят заставить нас внутри страны платить эти цены путем установления пошлин, которые являются препятствием для ввоза более дешевых товаров.

Непонимание того, что проблема охранительных пошлин до известной степени всегда, а теперь в особенности, обладала некоторыми свойствами, имевшими значение для всей страны и для всего общества, свидетельствует только о нашей упорной близорукости. Стоит только вспомнить об энергичной борьбе из-за свободы ввоза зерна, которую вели в сороковых годах прошлого столетия Дизраэли и Пильх. Дизраэли был убежден (а убеждения его основывались на знании истории), что рост богатства Англии был куплен ценой развития капиталистической промышленности за счет нищеты трудящихся классов. Он видел, что бедняки стали беспомощными жертвами фабричной системы. Было время, когда крестьянство было основой жизни нашего народа. Никто не посмеет утверждать, что крестьянин обладал всем необходимым, но никто не посмеет также отрицать, что крестьянство было гораздо более здоровой основой общества, чем яркое безумие промышленной системы, расцветшей в первой половине XIX столетия. Дизраэли полагал, что лучше больше заплатить за наше зерно, чем превратить всю Англию в огромную фабрику: а эта угроза имелась, если бы наши пшеничные поля лишились возможности существования и английский хлеб должен был бы конкурировать с ввозным зерном, производящимся на девственной почве. Его желание поэтому сводилось к тому, чтобы поддержать наше сель-

ское хозяйство даже за счет фабричной системы. Поддержание развития капитализма для него означало гибель общества.

Вполне возможно, что не только какой-либо депутат-тори, но и очень радикальная рабочая партия придет к заключению, что некоторые отрасли промышленности и некоторые профессии вполне необходимы для здорового существования общества. Можно, например, притти к заключению, что чем больше англичан будет работать в полях и чем меньше их будет сосредоточено в угольных копях, тем выше будет благосостояние нашего общества. Можно притти к заключению, что лучше вести более простой образ жизни в деревне, чем очень разнообразный в промышленном городе Ланкашира. Одним словом, дешевые товары не всегда могут служить окончательным мерилом благосостояния общества. Наравне с экономической проблемой количества и цены, здесь играет еще роль множество чисто нравственных и эстетических моментов. Уничтожив богатства капиталистов, народ может притти к заключению, что необходимо предоставить какой-либо группе населения монополию, дающую ей возможность заработать больше, чем она может заработать при существовании свободной торговли. Если бы, например, не нашлось другого пути спасти английские пшеничные поля и сады, как защитными пошлинами на ввоз из-за границы, то, может быть, остальные англичане согласятся взять на себя роль спасителей, уплачивая более высокую цену на хлеб.

В общем таможенный тариф, может-быть, окажется самым удобным путем, которым народ сумеет решить, какие области промышленности нуждаются в поддержке и какие должны быть устранены. Может-быть, и хорошо заготовлять хлопчато-бумажные ткани для всего мира (очень часто для чернокожих, чувствующих себя гораздо лучше без них) и поставлять тому же миру уголь по очень высоким ценам. Но здравомыслящий народ предпочтет, по всей вероятности, что-либо другое; он предпочтет спокойно жить своей собственной жизнью, чем добиваться дешевых громких успехов на всех мировых рынках. В конце-концов, это будет вопросом чистой целесообразности и народного благосостояния. Тогда таможенный тариф не будет иметь ничего общего со стремлениями той или другой отрасли производства построить свои собственные выгоды за счет другой отрасли и даже всего народа.

Но охранительные пошлины обладают еще и другим свойством. Борьба за мировую торговлю была главной причиной войны. Рабочая партия, которая будет обладать зрелым чувством справедливости и дальновидности, не пожелает подвергнуться упреку в том, что она издает законы, служащие только интересам ее собственной страны и к невыгоде другого народа. По всей вероятности, мы никогда не сумеем добиться разоружения до тех пор, пока народы не перестанут добиваться несоответствующих выгод в области торговли;—это есть единственная причина войны, для которой идея любви к отечеству обычно служит пустым поводом. Если уже необходимо допустить существование охранительных пошлин, то единственный путь избегнуть упреков—это применение таковых по отношению ко всякой другой стране, если эта последняя пытается сама установить защитные пошлины. Идеалом, конечно, является свобода торговли. Но у нас, к сожалению, нет еще идеального мира, и в действительности свобода конкуренции дает возможность обогащаться самым худшим из нас. При теперешнем положении, чтобы добиться ясности в этом отношении, необходимо не злоупотреблять таможенным тарифом для всяких интриг в области мировой торговли и политических группировок и проводить по отношению ко всему миру или принципы свободы торговли или принципы защитных пошлин. Торг за уступки в области таможенных тарифов и неудача в этой области являются самыми ужасными источниками войны. Ни одна страна не имеет права вводить таможенные заграждения, поскольку они не диктуются самозащитой; эти заграждения никогда не должны носить характера нападения. Если богатство Англии в некотором смысле принадлежит всем англичанам, то богатства всего мира еще в большей степени могут быть названы собственностью всех народов, населяющих его. Как рабочие каждой отдельной отрасли производства, так и целый народ имеют право защищать свои интересы. Но народ не имеет права создавать монополий, подобно тому, как господа капиталисты теперь стараются создавать и защищать свои монополии в области накопления богатств.

Глава десятая

НАКАЗ ИЗБИРАТЕЛЕЙ ИХ КАНДИДАТУ

Дорогой кандидат в парламент! При получении этого наказа ты сразу заметишь, что мы не следуем общепринятому в этом отношении пути. До сих пор существовал обычай, согласно которому кандидаты в парламент давали такого рода наказы своим избирателям, излагая им, что они будут делать, когда они попадут в Вестминстер. После зрелого размышления мы пришли к заключению, что этот заведенный порядок по существу своему неправилен. Мы поняли, что, согласно теории английской конституции, ты должен защищать наши взгляды и действовать по нашим указаниям. На самом же деле на протяжении всей политической истории Англии дело обстояло таким образом, что депутат в общем диктовал свои взгляды избирателям и, попадая в палату общин, защищал самым настойчивым образом свои собственные интересы. Возможно, что с нашей стороны такого рода рассуждения преждевременны и недружелюбны; однако мы, во избежание недоразумений, предпочитаем сами составить выборное воззвание чтобы, таким образом с достаточной ясностью показать, чего мы ждем от тебя, избирая тебя своим представителем в парламенте. В данном случае речь идет об одной из тех маленьких деталей, которые иллюстрируют, как дело будет обстоять в более демократических условиях, когда избиратели будут иметь больше значения, чем депутаты, и когда свобода будет пользоваться еще большим уважением, чем министры того или другого кабинета.

Прежде всего мы должны извиниться перед тобой, что, посылая тебя в Вестминстер, мы поручаем тебе такую неприятную задачу, как реформа английского правительства.

Но, ведь, кто-нибудь должен же заняться этой грязной работой. Разве те разумные люди, которые проводят свою жизнь в чистых залах, где их обучают народному хозяйству (где самое грязное, что они могут там найти, это чернила), не указывали нам всегда на эту неприятную необходимость? И они были вполне правы: к этой грязной работе необходимо приступить со всей смелостью и самоотверженностью. Но самой грязной работой является неприятная задача, заключающаяся в очистке политических авгиевых конюшен Вестминстера: в моменты душевного подъема обитатели этого священного приюта народного представительства называют этот приют местопребыванием правительства Британской мировой империи. Если бы дело действительно обстояло так, то пришлось бы сильно удивляться тому, что эта мировая империя уже давно не погибла. Ведь нравственные и духовные помои нашей политической жизни таковы, что они непременно заражают всякого, соприкасающегося с ними даже на расстоянии. Твоя задача заключается в том, чтобы начать эту работу по очистке. Представители кооперации и профессионального движения вне парламента должны будут взять на себя большую часть работы по строительству, ты же можешь им оказать содействие, только облегчая им путь.

Если ты будешь слишком много говорить, особенно если ты будешь произносить речи о высоких идеалах, мы, по всей вероятности, не изберем тебя. Мы подвергли испытанию огромное количество мастеров ораторского искусства. После многочисленных опытов мы пришли к заключению, что ловкие ораторы с трибуны обычно простые мошенники. Нам совсем нежелателен такой представитель, о прекрасных речах которого будет говорить вся империя. Мы желаем иметь такого, который будет возможно меньше говорить и возможно больше делать. Мы требуем, чтобы ты внес в палату общин предложение, согласно которому время ораторов должно быть ограничено 10 минутами, за исключением членов кабинета министров, для которых вполне достаточно 5 минут. Если ты действительно полагаешь, что ты очень силен в ораторском искусстве, то мы не желаем иметь тебя в качестве своего представителя, мы думаем, что для тебя более подходящим местом будет место глашатая на аукционах. Мы предпочитаем видеть тебя в качестве продавца

домов, а не смотреть, как ты будешь продавать нас, что уже в достаточной степени делали другие мастера ораторского искусства.

Первое, чего мы от тебя требуем, когда ты попадешь в парламент,—а если ты действительно не умеешь произносить речей, мы пошлем тебя туда,—это, чтобы ты защищал достоинство палаты общин. Ты должен найти путь, чтобы положить конец современной бессмысленной системе, дающей возможность небольшой группе господ, умеющих болтать или обладающих туго набитым кошельком, заставить палату признать эту группу своим кабинетом министров. Премьер должен избираться палатой. Точно так же каждый отдельный министр должен избираться особым голосованием, при чем ему поручается та или другая область управления. Эта система парламентских выборов, понятно, не будет совершенно лишена недостатков, как все системы в нашем несовершенном мире. Но, во всяком случае, этот путь избрания министров будет больше отвечать требованиям науки, чем теперешняя система избрания министров господами, наполняющими кассы отдельных политических партий. Пока палата общин не возьмет на себя труда организовать выбор главнейших членов кабинета путем открытого голосования, политика всегда будет оставаться в руках интриганов; даже когда реформа эта будет проведена, интриганство все еще будет в течение некоторого времени жизнеспособным.

Затем, ты должен отказаться от детской привычки давать себя запугивать угрозами назначения новых выборов, которые всегда выступают на сцену, когда ты голосуешь против желания правительства. Сама палата общин должна решать вопрос о том, когда и как необходимо производить новые выборы. Если премьер и его коллеги несогласны с мнением палаты, то пусть они уходят. Весь наш опыт в области истории английских министерств свидетельствуют о том, что отставка кабинета всегда приносила только пользу. Следовало бы всегда оказывать всяческое содействие политическим деятелям, желающим выйти в отставку. Затем, палата приступит к избранию другого министра, пользующегося ее доверием.

Палата общин должна избираться на определенное количество лет, до истечения которого новые выборы недопустимы, за исключением тех случаев, когда палата сама

высказывается за новые выборы, или же в случае референдума по этому поводу. Коротко говоря, мы желаем иметь такую систему, при которой все министры будут избираться непосредственным голосованием палаты, при чем каждый из них, согласно способностям своим, будет назначаться на тот или другой пост. При этом каждый министр остается на своем месте до конца сессии данного парламента, до момента своей отставки или же до того момента, когда палата сама потребует этой отставки. Нет никакой необходимости, чтобы министр внутренних дел выходил в отставку из-за того, что министр иностранных дел потерпел поражение за свою политическую линию на Ближнем Востоке. Теперешняя глупая система сохраняется лишь для того, чтобы защитить правительство от нападений со стороны демократии. Система эта научает автократических министров противопоставить воле народа единый фронт кабинета. Если кабинет в целом должен выходить в отставку, он вынужден всегда высказывать солидарность; вот почему они оказывают друг-другу поддержку, правы они или не правы. Палата должна иметь возможность голосовать по всякому вопросу с чисто деловой точки зрения, когда речь идет о судьбе того или другого министра. Если каждый член палаты общин будет иметь возможность голосовать по своему собственному усмотрению, то мы в очень короткий срок сумеем установить, кто из членов парламента является честным и умным человеком. Вся система партий с ее развращенностью и интригами полетит к чорту.

Установив таким образом разумные правила для работы палаты общин, которые должны заменить теперешнюю смешную систему, скорее годящуюся для увеселительной комиссии какого-либо дома умалишенных, мы желаем дать тебе указания, как ты должен пользоваться своими полномочиями. Мы совершенно не требуем от тебя, чтобы ты в течение нескольких дней, или даже годов, разрешил мировые проблемы; но мы надеемся, что ты приступишь, по крайней мере, к разрешению этих проблем. Если прекрасное правило об ограничении времени ораторов 10-ю минутами действительно будет проведено в жизнь, то вы очень мало времени будете посвящать речам и иметь очень много времени для работы или голосования. Однако, вы не должны себе воображать, что спасете нас, издавая в каждую сессию

больше законов, чем это имело место до сих пор. Нам нужно качество, а не количество.

Не издавайте таких законов, которые ставят весь мир на голову и причиняют нам боль в этой весьма важной части тела. Мы не желаем никакой революции, никакого хаоса: мы стремимся к более доступным ценам на предметы продовольствия, на книги, одежду, театры и множество других вещей, превращающих жизнь в цивилизованное существование, вместо того, чтобы делать ее похожей на грызню собак. Есть слабосильные люди, которые так много говорят, что не имеют времени знакомиться с историей. Люди эти воображают, что всех перечисленных выше вещей можно достичь путем постройки баррикад, уничтожением домов и другими подобными средствами в духе горячих революционеров. Эти возбужденные мужчины и женщины полагают, что французская революция была триумфом демократии. Они недостаточно образованы и не знают поэтому, что во французской революции победили не несчастные полуидиоты, Марат и Робеспьер, а император Наполеон и армия поставщиков и спекулянтов. Если ты проявишь хоть малейший след этой, свойственной среднему классу, истерии, то мы должны открыто тебе сказать: мы тебя не выберем. Вместо того, чтобы отдать свое представительство газометру в образе человеческом, мы предпочитаем предложить это место первой попавшейся почтенной и тяжелотрудящейся поломойке, которая, правда, подвергнется опасности потерять свое доброе имя, когда она попадет в палату общин. Но, во всяком случае, она не использует время на то, чтобы попытаться создать лучшую Англию путем огня и меча. Она, по крайней мере, будет знать, что единственные люди, выигрывающие во время революции, называются авантюристами.

Одним словом, создавайте законы, которые делают переход в утопию по возможности мирным и по возможности быстрым. Проведите новый закон о гильдейских обществах, который даст возможность организовать процесс производства, который отдаст фабрики в собственность и в управление рабочим, а не бездельникам-акционерам. Провести в жизнь этот закон не входит в область ваших задач: это входит в обязанность членов кооперации и профсоюзов вне парламента. Но вы можете помочь этому движению самым

непосредственным образом и многими способами. Вы можете прежде всего позаботиться о том, чтобы выбранные из среды парламента руководители министерств и крупных отраслей управления вместо того, чтобы препятствовать движению, издали ряд законов и предписаний, поощряющих образование гильдий. Вы должны позаботиться о том, чтобы правительственные учреждения имели возможность работать на пользу всего народа, чтобы политические руководители этих учреждений не заставляли своих подчиненных защищать интересы ростовщиков. Вы должны посвятить свою повседневную работу разоблачению такого рода интриг и деятельности в глазах всего народа. Первый смелый и ловкий человек, попавший в парламент, будет иметь прекраснейшую возможность сделать это, так как он сумеет выставить теперешнюю правительственную клику в самом смешном виде. Поставь себе одной из главнейших целей в палате общин показать капиталистических членов палаты в той степени презрения, которую они вполне заслуживают. Не надо быть с ними грубым, ты можешь сделать то, что еще лучше попадет в цель: говори о них правду, говори правду об их обществах и их доходах. Нет ничего более страшного, чем неприкрашенная правда.

Одна из первых вещей, которую ты должен сделать, когда ты попадешь в палату общин, это заставить ее принять действительный закон о борьбе с ростовщичеством. Мы имеем в виду закон, который действительно в состоянии помешать нескольким тысячам стремящихся к наживе людей накопить огромные богатства за счет нужды всего общества. Действующие теперь законы для борьбы с ростовщиками, как обычно, рассчитаны на то, чтобы обратиться на мелких лавочников, с трудом зарабатывающих себе на жизнь. Крупные богачи обычно остаются безнаказанными, что совершенно понятно, так как они сами поставили во главе правительства своих собственных слуг. Есть один единственный путь для борьбы против слишком высоких прибылей: необходимо установить себестоимость всех товаров, а затем законом определять максимум продажной цены их. Такого рода предписания включены уже нами в законодательство о гильдейских обществах. Однако, временно представится необходимость урегулировать путем особого закона те случаи, которые будут стоять вне гильдейских организаций. Если ты

обладаешь в сильной степени чувством справедливости, то, когда речь будет итти о степенях наказания за ростовщичество, ты, может-быть, будешь склонен угрожать ростовщикам смертной казнью через повешение, четвертование и т. п. Ни один из приличных людей не посмеет упрекать тебя за это: если магнаты трестов будут висеть на веревках, то вид этот обрадует всякого человека. Но мы желали бы чтобы ты избегал всяких насильственных мероприятий. Не увлекайся ни на минуту чувством мести, как бы сладка ни была эта последняя. Месть, без одновременного строительства, на следующий же день окажется совершенно неудовлетворительной. Хороший закон о ценах, дающий возможность устанавливать действительную себестоимость товаров, произведет чудеса в смысле устранения того болота, в которое погружена наша теперешняя торговая деятельность. Люди, заинтересованные в том, чтобы все осталось по старому, утверждают, что нет никакой возможности быстро изменить человеческую натуру. Это совершенно правильно,—но для того, чтобы уменьшить количество денег в карманах немногих тысяч общественных воров, которые на половину повинны во всех наших бедствиях, можно сделать очень и очень многое. Мы готовы простить много человеческой натуре, но эти наживатели денег перестали быть людьми. И ирландский вопрос должен быть решен возможно скорее, хотя бы только для того, чтобы показать, какими совершенными ослами были наши государственные деятели за последние два столетия. Кроме того, ведь мы обладаем некоторым количеством вполне естественного чувства гордости и мы не можем спокойно сознавать, что обращение с Ирландией сделало нас посмешищем в глазах Европы и политическим орудием в руках Америки. Откажись от рассмотрения ирландского вопроса вместе с англичанами, шотландцами и пр., заседающими в палате общин. Заяви совершенно открыто, что это вопрос, который касается исключительно ирландцев, требуй, чтобы все войска в течение одной недели были отозваны из Ирландии и чтобы замок в Дублине был отдан в наем под сумасшедший дом. Правительственный персонал, заседающий теперь в этом замке, составит прекрасные кадры для будущего сумасшедшего дома. Все остальное пусть приведут в порядок сами ирландцы. Если они хотят убивать друг-друга в боях Южной Ирландии против Се-

верной, то это их собственное дело. Более вероятно предположение, что в припадке замечательного кельтского юмора они запрут сэра Эдварда Керзона и его друзей (а может-быть, и еще несколько слишком горячих голов из противоположного лагеря) в новое учреждение Дублинского замка, и весь мир с удивлением спросит: за что же собственно велась борьба? Большинство придет к заключению, что половина всей борьбы состояла из громкой болтовни политиков, которые приобретают тем больше весу, чем больше глупостей они болтают. Если мы лишимся также нескольких из наших политиков в Уэльсе и сумеем их уговорить начать агитацию за независимость Уэльса, то это будет просто замечательно. Приложим все усилия к тому, чтобы сделать что-нибудь в этом духе, хотя мы и опасаемся, что это окажется весьма трудным. Жители Уэльса, в противовес ирландцам, не великодушны и не страдают самоотверженностью. Они не требуют независимости для своей собственной страны, а предпочитают вместо этого управлять Англией. Когда все эти вопросы будут поставлены в порядок дня заседаний, ты должен одинаковым образом рассматривать все части мировой империи, включая Индию. Однако, ты не должен непременно верить, что Индия, например, нуждается в независимости, потому что маленькая группа объевропеившихся индусов думает, что она умеет управлять лучше нас. По всей вероятности, они с этим справятся гораздо хуже нашего. Как бы то ни было, когда обе стороны произведут свои опыты, то вполне ясным станет, кого из них предпочитает средний уважаемый туземец (не принимающий участия ни в правительстве, ни в судопроизводстве, ни в политике). Во всяком случае ты должен выбросить из своей головы идею о том, что миссия Англии заключается в том, чтобы завоевать весь мир и научить людей образовывать парламенты и т. п. учреждения, которые на вид гораздо более полезны и демократичны, чем они бывают на самом деле. Самомнение англичан заставляет их думать, что они призваны господствовать над Индией, но вспомним, в какое посмешище превратилось правительство на нашей собственной родине. Может-быть, крестьяне Индии попадут из огня в полымя, когда они будут отданы на произвол своих собственных политиков (в конце-концов, наши правительственные чиновники в Индии обычно люди вполне честные

и в общем весьма дельные). Но, ведь, мы провели великую войну во имя принципов самоопределения. Если мы пошлем тебя в парламент, то ты, пожалуй, будешь единственным депутатом, который искренно верит в эти принципы. Таким образом ты попадешь в положение безнадежного меньшинства и должен будешь, по мере возможности, примириться с этим положением. Не отказывай, однако, никогда никакому народу в требованиях справедливости и свободы на том только основании, что отказ этот лежит в эгоистических интересах Англии. Мир не создан для того, чтобы предоставлять английским купцам место для торговли или для того, чтобы давать возможность правительственной клике снабдить своих сынков различными должностями. Не забывай никогда, что, прежде чем стать империалистом, ты должен быть джентльменом, иначе ты им никогда не будешь.

В области финансов мы не требуем от тебя каких-либо блестящих идей, осуществление которых даст возможность путем всяких кунстштюков с государственным бюджетом и с помощью армии налоговых инспекторов провести в жизнь более равномерное распределение имуществ. Мы прекрасно знаем, что единственная возможность добиться справедливого участия нашего в национальных богатствах состоит в том, чтобы создать эти самые богатства под нашим собственным руководством. Мы не настолько дети, чтобы полагать, что можно создавать богатства для господ и одновременно надеяться добыть эти созданные богатства для себя при помощи высоких подоходных налогов или путем другого какого-либо волшебства в области фиска. Во всяком случае, до тех пор, пока мы не научимся создавать собственные рабочие и гильдейские банки, ты должен сделать для нас все возможное при помощи обложения высоких доходов и при помощи еще более высоких налогов на наследства. Пусть подоходный налог ложится небольшим бременем на доходы в 500 фунт., при чем более низкие доходы должны быть совершенно освобождены от налогов; пусть налог будет умеренным с доходом в 1.500 фунт., зато пусть он будет высоким при больших доходах. Не разрешай никому получать больше 10 тысяч фунтов в год. Мы не будем нуждаться в работе тех, которые считают доход в 10 тысяч фунтов слишком для себя недостаточным.

К сожалению, подоходный налог можно легко обойти, а сбор его просто мучение как для плательщика, так и для налогового инспектора. Поэтому помоги нам лучше, по мере возможности, провести систему гербового сбора с квитанций, чеков и всяких документов в соответствии с ценностью объекта и в размерах, которые будут соответствовать нуждам государственного казначейства. Количество квитанций, чеков и др. документов того или иного лица является прекрасным измерением тех сумм, которые проходят через руки этого лица. Кроме того, ты должен немедленно позаботиться о законе, согласно которому вся земельная собственность в Англии должна быть подвергнута оценке; все дальнейшие повышения цен на землю, поскольку они не обусловливаются новыми постройками, возведенными на этих земельных участках, мелиорацией и т. п., должны поступать в пользу государства, а не в пользу землевладельца, который, сложа руки, ждал, пока кто-нибудь другой повысит цену его земли, обрабатывая ее и заселяя ее. По мере возможности проводи этот закон до его логического конца, пока государство не станет непосредственным владельцем всей земли. При этом, может-быть, окажется благоразумным отдавать землю в аренду, хотя бы на вечные времена, причем вместо повышения арендной платы, повышаться будет подоходный налог, подобно тому, как теперь повышается подоходный налог, когда доходы растут. Юридически владельцем всей земли и теперь уже является корона, фактически же владелец состоит только арендатором ее. Не представится больших трудностей провести эту теорию на практике таким образом, что государство будет получать определенную ренту, которая легко может превратиться в единственный государственный налог. При этом можно провести это мероприятие, не нарушая свободы продажи земли.

Огосударствление земельной собственности приводит нас к общему вопросу о национализации. Мы отнюдь не являемся ярыми приверженцами этой идеи. Если ты будешь защищать систему, ложащуюся еще более тяжелым бременем на наши, и без того уже отягченные бессчисленным количеством правительственных учреждений и политических секретарей, плечи, то ты, по всей вероятности, потеряешь свое место уже на ближайших выборах. Мы желаем возможно меньше национализации. Земельный вопрос, как видно, ну-

ждается в таковой, но и здесь можно многое сделать, конфисковав в пользу государства монополизированное в настоящее время повышение цен на землю. Залежи угля и руды, железные дороги и каналы, а также крупные шоссе в общем должны перейти в собственность всего общества. Но сохрани вас боже передать все управление копями какому-нибудь государственному центру, заседающему в Вестминстере. Копи должны быть отданы в аренду гильдиям горнорабочих, взявших на себя все управление таковыми. Гильдии эти должны получать определенную сумму за каждую добытую тонну угля и будут, таким образом, тем больше зарабатывать, чем больше будет добыто. Вся угольная промышленность должна быть по возможности скорее освобождена от армии ничего не производящих собственников и акционеров. Горнорабочие, наравне со всеми другими рабочими, должны знать, что они получат все, что они имеют право требовать за полный продукт своего труда, и не должны будут отдавать ничего тем, которые не принимали никакого участия в работе.

Пусть критика горячих голов, говорящих экономическими терминами и так часто забывающих о слабости человеческой натуры, не нарушит твоего покоя. Если возможно будет получить в пользование всего общества землю, угольные копи и железные дороги путем соответствующего возмещения расходов теперешним владельцам и путем государственных обязательств на имя этих владельцев, то лучше прибегнуть к этому средству. Если мы будем отстаивать абстрактные правила справедливости и вместо возмещения убытков начнем конфисковать, то народ, при анархической революции, может потерять столько же, сколько он выиграл бы от конфискации. Общество столько выиграет от устранения ростовщических цен, что оно должно всеми средствами постараться освободиться от них. Если речь будет итти о денежных суммах, чтобы заставить этих господ уйти поскорее и без борьбы, тогда, пожалуйста, соглашайтесь уплатить эти суммы. В действительности в реформированном государстве богачам не представится больших возможностей приложить свои капиталы, если они даже получат соответствующие возмещения; поэтому, все эти рассуждения лишены, так-сказать, базы, и на практике тот или иной способ нашего поведения не будет играть большой роли. Кроме

того, рост подоходного налога и налога на наследство не даст возможности возникновения опасных для общества накоплений капиталов в ближайшую за нами эпоху. Поэтому надо возместить убытки, если от этого можно выиграть время и избежать борьбы. В конце-концов, убытки эти будут возмещены из тех средств, которые будут собраны, главным образом, путем налога на богачей. Таким образом, при обсуждении этих вопросов, мы большей частью вертимся в закрытом кругу.

При всех законах, которые будут издаваться, ты должен высоко держать знамя личной свободы. Поэтому ты не должен слишком отстаивать принцип уничтожения частной собственности, где таковая еще допустима. Ты не должен стремиться к уничтожению духа предприимчивости. Помогай личности, где ты только можешь, и прибегай к помощи государства только в самой крайней нужде. Не пугайся таких вещей, как крестьянское землевладение, потому только, что профессор-социалист (живущий, между прочим, в городе) утверждает, что крупные хозяйства дали бы лучшие результаты. Между понятиями «дали бы» и «дают» имеется очень много ступеней. Кроме того, здесь речь идет не о чисто-экономических вопросах. Главным фактором науки об обществе является человек. Когда ты будешь издавать законы, думай прежде всего об отдельной человеческой личности. Человек—это бессмертное существо, которое создано миром, и все государственные учреждения мира не стоят того, чтобы из-за них хоть одна ценная душа страдала в течение одной минуты. Во имя спасения личности мы приказываем тебе устранить две вещи—миллионера и бюрократическое государство. Для нас не играет никакой роли, что первый из них называет себя филантропом, а второе называет себя спасением общества. Выгони обоих их беспощадно за дверь.

Ты найдешь много самых различных людей с самыми различными взглядами, которые могут тебе помочь. Не доверяйся слишком много надписям на ящиках. Ты найдешь, что тори, вроде лорда Роберта Сесиля, гораздо более полезны, чем тот или иной депутат рабочей партии. Ты очень скоро научишься отличать авантюристов от честных джентльменов. Ты очень скоро научишься понимать, кто заседает в парламенте в интересах народа и кто сидит там в своих собственных интересах. Не забывай также о том,

что есть честные люди, которые идут неправильными путями. Господа из «Морнинг - Пост» (постоянно бушующие и пытающиеся окрасить весь мир в красный цвет при помощи солдат и британского империализма) будут на твоей стороне, когда речь будет итти об изгнании разврата из нашей общественной жизни. То же самое можно сказать об искреннем «Спектаторе», хотя он и говорит языком первых годов царствования королевы Виктории. Не забывай о том, что честный человек, идущий неправильным путем, всегда менее опасен, чем мошенник, идущий путем праведника. Поэтому, если ты встретишься в парламенте с людьми из «Морнинг-Пост» и «Спектатора», будь с ними любезен: они помогут тебе изгнать из него мошенников. А, ведь, это, в конце-концов, первая задача политической деятельности. Когда мы освободимся от эгоистических авантюристов, мы сумеем по существу приступить к обсуждению реформ. В настоящее время большинство событий в парламенте вертится вокруг чьей-либо привязанности к своему текущему счету в банке; какой-нибудь господин с большим самомнением хочет добиться успеха путем политики, а интересы всего государства отступают на второй план, благодаря самомнению этого господина.

Если ты не сумеешь разобраться, как подать свой голос, или как управлять страной, то выбеги на улицу и спроси первого встречного кучера или мать мальчишки от лифта; оба, по всей вероятности, сумеют помочь тебе своим здравым рассудком. В палате общин, где здравый рассудок за последние два столетия играл очень маленькую роль, такого рода совет, по всей вероятности, покажется остроумной шуткой.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

60 коп.